

Елена
Пильгун

Анна
Закревская

Елена
Маркова

МУСОН МАМА

Елена Пильгун

Миссия Амальгама

«Издательские решения»

Пильгун Е.

Миссия Амальгама / Е. Пильгун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859398-7

Мечтатели говорят, что миров во Вселенной великое множество. Физики с ними не спорят. Физики тоже иногда становятся ненужными на родной планете. Равно как военные врачи, списанные летчики и потерявшие волну связисты. А однажды к ним приходит усталый человек в белом капитанском кителе и зовет с собой. Так из осколков мечты рождается команда. А надежда на долгую жизнь за гранью чёрной дыры превращается в единственное желание — умереть с пользой. И, быть может, воскреснуть иными.

ISBN 978-5-44-859398-7

© Пильгун Е.

© Издательские решения

Содержание

Ещё не пролог	7
Пролог	8
Часть 1. Рвущиеся нити	10
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Миссия Амальгама

Елена Пильгун
Анна Закревская
Елена Маркова

*Смотреть наверх, стремиться в небеса!
О, там сияют далеки и строги
И добрых и дурных божеств глаза!
А мы всегда хотели стать как боги.*

*Мы всё пытались выбраться повыше,
Поднять знамёна, ипили, маяки.
Потуги эти тщетны и горьки.
Но боги снизошли и стали ближе.*

*Увидев, как их помыслы сложны,
Мы уходили в горы или роицы,
Разгадывать пророческие сны.
Но боги снизошли и стали проще.*

*Холодными казались их сердца.
Мы приложили множество усилий,
Готовы на все жертвы. До конца.
Но боги снизошли и полюбили.*

*Мы начали войну и долго бились
За то, чтоб наконец их победить,
Чтоб пересилить, переубедить.
Но боги снизошли и подчинились.*

*Смотреть наверх, стремиться в небеса!
Как же смешно осознавать сейчас:
Людей в богов перекроить нельзя,
И это боги превратились в нас.*

Крайняя точка

*– Но должен же быть смысл!
– Тем, кому смысл что-то должен, он прощает.*

Дмитрий Емец. «Таня Гроттер и проклятие некромага».

Иллюстратор Елена Пильгун

© Елена Пильгун, 2019
© Анна Закревская, 2019
© Елена Маркова, 2019
© Елена Пильгун, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-9398-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ещё не пролог

Тонкий луч зимнего солнца окрасил комнату Кирлиана в оттенок перезревших мандаринов, ударил по двум благородным профилям на золоте медали – мужскому и женскому¹. Солнечный зайчик попал профессору в глаз, и тот прищурился, но позы в кресле-качалке не сменил. Это была его профессия – смотреть на звёзды.

Кирлиан подмигнул портретам супружеской четы и перевёл взгляд на гляцевую обложку научного журнала. То, что казалось фотографией, на самом деле было творением художника-профессионала, но суть профессорского открытия голограмма передавала более чем полностью.

Чёрные дыры. Белые дыры. Кроличьи норы мироздания. Выдуманный космический корабль с говорящим названием «Alice Liddell» ныряет в гигантскую фиолетово-чёрную воронку, но стоит повернуть журнал под другим углом, и вот уже «Алиса» появляется из белоголубого сияния в другой, неизведанной вселенной.

Профессор вздохнул и прикрыл глаза. Протянуть бы ещё пару лет, дожидаться, когда обсидиановая глыба фотонного звездолёта «Харон» вознесётся в ультрамариновое небо, а потом пропадёт со всех радаров, и... Уйти на покой. Ведь черные дыры гораздо ближе, чем нам кажется. Одним ярким солнечным днем, щурясь на белый снег, ты понимаешь, что это больше не комбинация цифр и букв в звездном атласе, не воронка безвременья, тянущая силы с голубого гиганта, а черная точка на белом снегу. Точка, которая сопровождает твой взгляд на пяти часах циферблата обзора. Точка, которая не видна на стоп-кадрах памяти, но становится неотъемлемой частью онлайн-трансляции в комнату сознания.

Может быть, потом еще пробьет где-нибудь биополе, и червоточина обретет себя в новом качестве, но одно уже не подлежит сомнению. Чем дальше, тем больше в тебе таких пробоев извне, больше точек соприкосновения с темнотой, куда мы все в итоге канем.

И вот с тех пор, как перед моим взглядом маячит плотная туманность в стекловидном теле, с тех пор, как скан ауры рисует отрицательный максимум над сердцем, я задаюсь одним и тем же вопросом.

Что отразится в зеркале, если перед ним будет тьма?

---

¹ Премия Краффорда

Пролог

Заявление об увольнении, украшенное размашистой подписью капитана Орлова, замкнуло пятый десяток старомодных бумажных листов с аналогичным содержанием. Научно-исследовательский институт аэрокосмической техники бился в агонии уже два месяца и сегодня, кажется, тихо издох.

Директор института (говорят, далёкий потомок самого Циолковского) потерянно бродил по гулким пустым пролётам, и стены с готовностью подхватывали каждый его шаг, вознося стократным эхом до самой крыши.

Шарк. Рука касается чёрной матовой обшивки космического корабля. «Харон», похожий на доверчивого стрижа, слегка завален набок – позавчера ребята доделывали последние мелочи в системе радиолокации. Стриж оперился и готов лететь, но сильная рука, которая должна была подбросить его в небо, исчезла из поля зрения вместе с топливом для фотонного двигателя.

Шарк. Перед глазами мельтешат чёрные мушки – буквы приказа №28. Заморозка проекта. «Начинают шептать, что ещё будет шанс, что жизнь едва начата, и расходятся по домам, до второго шанса не доживает никто²».

Шарк. Узкий проход между боком «Харона» и стеной. Шарк – впереди другая стена, в ней дверь с надписью «Выход», но дверь эта замурована наглухо, и никто никогда не видел её открытой.

Шарк – и... короткий стук чьих-то каблуков, словно снайперский выстрел в давящей тишине.

– Разрешите обратиться, товарищ директор.

Этого ещё не хватало. Ну и что я могу сказать тебе, капитан Орлов? Что бывших лётчиков не бывает, что на медкомиссии они тебя завалили нарочно, лишь бы побыстрее угробить проект, что...

– Разрешаю, товарищ Орлов.

– У меня тут вот такая мысль появилась, – капитан зашёлся в кашле, но всё-таки выдал из себя окончание фразы. – Мы были слишком серьёзной и слишком закрытой конторой. Но вот раба, то бишь нас, выпили до дна, и хозяину, то бишь государству, он стал не нужен. Что, если нам попробовать... открыть космос для всех? Ну там, школьников пускать в тренажёры, проводить мастер-классы, тематические фотосессии, брачная ночь для молодожёнов на орбите Зем...

– Цир-рк, значит, хотите устроить? – взорвался директор. – А может, сразу межпланетный бордель? Флаг вам в руки, Орлов. Я не шучу. Назначаю вас исполняющим обязанности на эти два месяца, пока тянется бюрократия. Сможете выплыть – честь вам и хвала. А меня от этого балагана увольте.

Тяжёлые директорские шаги прогрохотали в направлении лестницы, и на стенде вновь воцарилась тишина. Орлов прислонился лбом к прохладному боку «Харона» и закрыл глаза. О, он прекрасно понимал директора, и капитанская гордость в нём самом сейчас вопила как резаная, но, квазар дери всю эту оптимизацию, они оба жили последний год одной и той же мечтой, только один из них предал эту мечту ради заостеневшей ракушки своих убеждений, а второй – нет. И второй не обязан рвать себе крылья и опускать лапки ради первого. Но вот что он, Орлов Евгений Сергеевич, лётчик-космонавт первого класса, простите, бывший лётчик-космонавт, может сделать прямо сейчас и здесь, перед грёбаной дверью, за которой на самом деле – не лестница в небо, а глухая бетонная стена?

---

² Дана Сидерос «Она приходит, если дело труба...»

Деловитое копошение в дальнем пролёте крыши вывело Орлова из глубокой задумчивости. Капитан поднял голову, поискал глазами источник звука и не смог сдержать тёплой улыбки.

Семейство маленьких серых птичек свило гнездо в прямой видимости одной из камер видеонаблюдения, начисто перекрыв ей добрую половину обзора. Мда-а, это ж насколько всем было наплевать на технику безопасности в последние месяцы, что...

Пресвятой скафандр и космические макароны.

Идея.

Орлов согнулся от беззвучного смеха, но через несколько мгновений рывком выпрямился и, чеканя шаг, устремился к выходу из ангара. Да, придётся какое-то время поиграть в придворного шута, ну, так ему не привыкать – зря, что ли, прошёл он двадцатилетнюю школу семейной жизни? Пусть сильные мира сего будут животики надрывать над его, Орлова, затеей, исправно башляя за продолжение телеэфира, а потом все разом подавятся своими ананасами в шампанском, когда он исчезнет с радаров. И это будет уже не игра в полёт, а самая настоящая космическая миссия. Та, которой Орлов грезил с институтской скамьи. Та, на которую у государства «внезапно» закончились деньги.

Только вот как быть с командой, боги Сети, кого искать? По-настоящему крутые ребята не будут портить себе резюме участием в съёмках орбитального реалити-шоу, а выпускники театральных ВУЗов ему за пультом управления на хрен не нужны.

Следующий шаг Орлова мог бы быть фатальным, но спасла скорость реакции, которую капитан не растерял с годами. Резко отклонившись в сторону, он приземлился на одно колено и накрыл ладонями трепещущий комочек снежно-белого пуха. Птенец-альбинос выпал из гнезда, и под крышей звонким эхом метался птичий гомон.

– Всё хорошо, пушочек, – машинально произнёс капитан, подгоняя платформу транспортёра-подъёмника точно под самое перекрытие. – Поехали домой, доставка бесплатно.

Для управления транспортёром Орлову пришлось освободить одну руку, и он прижал птенца к груди, чувствуя, как бешено колотится его маленькое сердце.

Птенец пищал. Птенец боялся, что там, в родной семье, никто не поверит в его крылья и снова выкинет вниз только потому, что он уродился непохожим на остальных. Орлов тормознул платформу на полпути к вершине и перевёл рукоятку на реверс, с трудом удержавшись от того, чтобы показать в камеру (или птицам) какой-нибудь неприличный жест.

Сжигать последний мост было ещё рановато. Пернатые дважды за несколько минут рассказали Евгению, куда лететь и кого звать в стаю.

Часть 1. Рвущиеся нити

Глава 1

Окрестности родной Бауманской оказались подходящей площадкой для свежее испечённого охотника за головами, в которого вынужден был превратиться капитан Орлов. В самом деле, где ещё можно найти помимо аэрокосмического института еще и спорткомплекс «Заря», музей истории народов мира, кафедру судебно-медицинской экспертизы и даже старообрядческую церковь?..

Кажется, так и Ной заполнял свой ковчег, если верить легендам. Да, ежели и просто глянуть по сторонам, то сомнений не остается – кто успел вскочить в последний вагон, того и тапки были.

Коридоры института с этой извечной деревянной лентой, ползущей по стенам с явным намеком на «большая деревяшка следит за тобой», принесли Орлову такой улов душ человеческих, что впору было конкурс устраивать. Впрочем, сам виноват. Без внятного ТЗ результат, как известно, хз, а Орлов пришел в институт с весьма туманными представлениями о составе команды. Где кадровая служба, где производственные психологи, подбирающие героев космоса, как паззл с четырьмя неизвестными сторонами, где честный отбор, ибо на блат и ошибку не имеешь права?.. Нет. Ну вот этот паренек вроде ничего, сидит в уголке с книжкой по квантовой физике. Рыжая девчушка, двигатели и реакторы... Дать контакты, уж больно глаза зеленые печальные, тина-тиной, но все равно тягой будет Ковалев заниматься, я своих не бросаю. Так. Радиста бы еще найти неплохого, потом в судебно-медицинскую заглянуть, пару врачей прихватить. Только вот главного в медотсек надо не из четырех стен вытаскивать. Нужен кто-нибудь из стреляных в прямом смысле. Потрясти, что ли, жену на предмет оторв в их спасательном батальоне смертников? Орлов, вспомнив на секунду ту, что выкинула из своих приоритетов тихую семейную гавань, устав от вечного Орловского недостарта в космос, ту смуглую сильную женщину, нацепившую однажды старые свои нашивки капитана медсанбата, ту, которая ушла спасать и лечить, дайте только катастрофу, стихийное бедствие, форс-мажор, застрявшего на дереве котенка...

Удар пришелся прямо в нос. Еще, кажется, по ребрам, но за искрами в глазах и красной волной боли-оторопы Орлов уже не смог разобрать деталей.

– Простите бога ради, я не хотел, задумался.. и... – оправдательный лепет вывел капитана еще пока полумифической миссии Амальгама из ступора с эффективностью ледяного душа. – Мне тут просто надавали барахла всякого...

Пару секунд на отдышаться. Еще пять – отработать рефлекс вежливости и помочь собрать рассыпанные у ног части чего-то очень высоконучного и сделанного на коленке, ибо даже спайки проводов не спрятаны. Потом перевести взгляд с означенной коленки на ее хозяйку. Маленький паренек, весь какой-то скособоченный. А глаза лет этак на сорок тянут.

«Мой», – коротко ткнула в виски мысль.

«Точно мой».

– Ты кто по специальности? – вопрос в лоб, и держать в руках последнюю плату, колючую, старую. Не отдавать. Отдашь – потеряешь человека.

– Кибертехник, а что? – парень робко осмотрелся, нет ли зрителей, но в коридоре было уже совсем мало народа. Только руки дрогнули.

Орлов закусил губу. Он знал эту дрожь. Так дрожат ноздри у скаковой лошади перед выходом на трек, так дрожит ивовый лист перед грозой, так его самого, капитана Орлова, бьет под колени при виде готового к взлету Харона. А ведь сомнений нет. Этот кибертехник старше остальных студюзовусов. Значит, закончил. Значит, не нашел себе места в мире. Значит, остался на кафедре.

– Летать хочешь, кибертехник? – голос едва не подвел Орлова.

Парень коротко дернул головой.

– Тогда пошли к директору. Я договорюсь, что ты здесь больше не работаешь.

По дороге к кабинету директора Орлов мастерски отыграл Юлия Цезаря: выяснил, что кибертехника #1 зовут Никитой Лосевым, закинул инфу об Амальгаме в институтский портал, лайкнул объявление о новом интерфейсе – и правда интуитивно понятном, сделал зарубку на память – взять пару карго из спортзала «Заря», что напротив.

Поэтому к директору он ввалился уже не в себе. Разговор был бы в разы короче, если бы директор соизволил.. хм-м-м.. не быть директором? Ну, неужели так сложно сказать – заберите кибертехника Лосева куда хотите, мне лишние рты на кафедре выгонять надо позарез, каленым железом и поганой метлой, да и вообще этот парнишка никчемный такой, невооруженным глазом видно, что из отличников, правильных отличников без связей.

– Престиж института.. Шоу... Тут, знаете ли, репутация.. Вот если б на самом деле лететь, но тогда б я вам посоветовал других взять, есть и получше выпускники, наша гордость...

Лосев стоял у стенки весь зеленовато-серый с голубым отливом, что прекрасно гармонировало с росчерком синей пряжи у виска. А ведь не сдаешься, парень, рыпаешься, пытаешься не стать обычной институтской биомассой.

– А кого еще можете предложить? – уцепился Орлов за вербальные потуги директора спасти лицо. – Мне еще один кибертехник нужен.

– Может, вам всю команду собрать сразу, а? – через тоскливые канючные нотки в голосе директора вдруг пробился ястребиный сарказм. Типичный администратор, каких сотни сидят в кожаных креслах, хищно подобрался. Орлов спокойно встретил волну, которая брызгами праведного гнева лишь оцарапала белый капитанский китель. Соберешь, батюшка. Я многих птенцов подберу, которых ты из своего гнезда вышвырнул.

– Всего один вопрос, – ворвалось негромкое и очень ласковое в распахнутую дверь, разбив поединок капитанско-директорских взглядов. – Ибо без внятного ТЗ, как известно...

– Результат хз, – на автопилоте закончил Орлов и прикусил язык. Вот же ж, и кого еще такого же просвещенного сюда принесло?

Директор института всей пятерней ударил по сенсорной ставке стола, спровоцировав динамики на самый отвратительный тревожный зум и нехилый реверб, слившийся с резким:

– Я занят!

– Да ла-а-адно, – насмешливо протянули за дверным проемом под щебет испуганной секретарши. – Это мы сейчас проверим.

В кабинете установилась напряженная тишина. Лосев почти незаметно для глаз, но тем не менее ощутимо перетек подальше от двери, директор от стадии ястреба медленно превращался в индюка за пару секунд до взрыва, а Орлов свербил взглядом пустоту. Его спинной мозг уже на «ура» отработал идею, что из этого гласа божьего – слабого в сущности, иерихонскими трубами и не пахло, но с ядерным зарядом и прицельной точностью интонаций, получился бы отличный дублер. Его дублер. И логика уже полезла в петлю, ибо брать дублером капитана неизвестно кого всего за пару фраз...

Только вот капитан Орлов слишком много оставил в тылу своего недовзлета.

С волками жить – по волчьи выть. Он не возьмет на борт никого из бывших коллег, кроме Ковалева. И пусть они потом языками своими подавятся вместе с медалями, наградами и заслугами.

– Так вот, что у нас по поводу ТЗ, господин директор? – словно скомпенсировавшийся из воздуха молодой человек в светло-бежевом плаще перешагнул порог. – С какого трояна я получаю отказ в оплате за портал института, если я выполнил все требования заказчика, то есть вас, господин Засирыкин?

Орлов, который не удосужился даже прочесть золотую табличку на двери директора, попытался сохранить серьезный вид. Ну такой, какой бывает у тужащегося совенка, который пытается не заржать.

А господин Засирыкин едва не оправдал свою фамилию – несчастный человек, – разнося в пух и прах наглого юнца, который посмел институтский портал, ему заказанный [экономии ради], расписать серебряными граффити с небоскребами полулегального панковского сектора транскода, самовольно ввел голосовалку и анонимный форум, где студенты выкладывают чепуху всякую, так еще и явился лично пред светлые очи с претензиями!

Орлов насторожился. Его мозг, прожженный в космодромных интригах «знаешь, у тебя первое место в отборе, но на доске информации ты – тринадцатый, и так всем будет лучше» уже видел нехилый такой скандал на все министерство. Директор юлил. И коленки у него там, под столом, наверняка тряслись. А парень в плаще, невзрачный, весь бледный, как моль, типичный кодер-фрилансер, стоял слишком прямо для человека, не имеющего пятого туза в кармане.

– Ну, во-первых, про графическое оформление требований не было, – на губах парня мелькнула улыбка сытого удава, – а во-вторых, ваши птенцы выкладывают там не чепуху, а, например, аудиофайлы со своих имплантов на тему «деканы и откаты».

Господин Засирыкин попытался заорать снова, но гость лишь махнул рукой. Это был его ход. Его и только его. Так просто – прижать к стенке и бить наотмашь, с колена. Дай себе вольную... Только это не его стиль. Только взаимовыгодное циничное сотрудничество. Только шантаж. Только хардкод.

Все это Орлов за доли секунды прочел в серых глазах парня, а в комнате уже звучало предложение, от которого нельзя отказаться.

– На стене портала отложенная запись со списком всех ваших грехов. Для красоты я туда несколько штук придумал, но это капля в море по сравнению со взяткой в полмиллиона с церкви Возрождения за право преподавать физикам слово божье, правда? До публикации пара минут. Поэтому вы немедленно звоните в бухгалтерию, тому самому человеку, который списал эту взятку на якобы озелененные территории в дальнем смоленском подмосковье, и мне выплачивают остаток за портал. Меня зовут Оникс Заневский, если вдруг там забыли.

«А хакеров в дублеры капитанов брать – точно хорошая идея?» – робко поинтересовались в застенках черепной коробки, пока Орлов судорожно придумывал, как подкатить к этому парню с «Амальгамой». Да и к черту мне второго кибертехника, лучше программиста взять... И киношники наверняка будут не против такого типажа, не красавец, а что называется интересный, особенно как своей черной челкой тряхнет, будто не челка это, а птичье крыло. А директор уже вовсю что-то скрежетал по внутренней связи...

Повод подойти ворвался в кабинет в следующую секунду после финиширования директора с алилуйным: «Я сказал – заплатить!» Перед поводом был неприличных размеров горшок с каким-то очень пушистым фикусом.

– И куда это ставить? – громко поинтересовались из фикуса так, как будто мир един и прекрасен, а все эти директора Засирыкины, двери и правила вежливости не более чем божий бред под ЛСД.

Это стало последней каплей. Засирыкин взвился из-за стола, очень цензурно и витиевато накрыл всех присутствующих по матери, красочно описал их взаимоотношения с хакерством, фикусами и реалити-шоу, а потом выплюнул Орлову в лицо:

– Забирай этих троих и проваливай!

«Эти трое» и капитан очень быстро смотались из директорского кабинета. В пяти шагах от хлопнувшей двери Орлов смог вдохнуть, на шестом его разобрало на смех. Он рванул за рукав парня в плаще и попытался отдышаться. Парень затормозил и вопросительно вскинул бровь. А рядом уже маячил и носильщик фикуса, светлый такой, в мятой рубашке, обычный великовозрастный раздолбай. Лосев стоял за их спинами в крайней степени апофигея.

– В космос хочешь? – спросил Орлов тихо, обращаясь к тому, кто назвался Ониксом Заневским.

Взгляд серых глаз выдал предательскую равнодушную искру.

– Да мне сейчас хоть в черную дыру, – Оникс криво усмехнулся.

– Можно и туда, – кивнул Орлов.

– А я тоже с вами, – вдруг влез в разговор носильщик фикуса, прожигая синими глазами капитанский лоб. – Вам наверняка нужен такой на все руки мясо... тьфу... мастер, – и уже без перехода, будто все решено и других вариантов быть не может, – инженер-исследователь Ян Заневский. Однофамильцы.

– Да не ври уже, – тихий голос Лосева заставил инженера-исследователя сначала тихо вздрогнуть, потом рыкнуть.

– Ладно. Братя мы. Только я все равно полечу.

«Вот тебе и ноев ковчег, – мысленно простонал Орлов, на миг закрывая глаза, пытаясь собрать ускользающие нити разумных решений и робко ступая на лунную дорожку интуиции. – А ведь все только начинается...»

***

Странное это было ощущение – ненужности происходящего. Крутишься как белка в мясорубке, собираешь людские души в котомку за спиной и сам не знаешь, сколько из них агнцев, а сколько козлиц. Орлов, сидя в скверике на скамейке, горько усмехнулся. Козлища, агнцы – не все ли равно. Нужны лишь те, что уже свободны – читай, умерли внутри. Если тебе нечего терять, то почему бы не сделать шаг в неизвестность, не стать под прицел видеокамеры, не сойти с ума понарошку?

Половину обзора занимала колокольня старообрядческой церкви. Колокольня без храма, что корабль без команды. И стартует эта махина старинной кладки со стрельчатыми окнами-дырами и пояском из «ласточковых хвостов» прямо в синее небо апреля. Не нужно ей это небо, наверно. Просто все привыкли, что колокольни должны быть видны далеко. Привыкли все, и ты в том числе, Орлов, что кораблям космическим надобно летать, а капитанам стоять у штурвала даже в эпоху, когда искусственный интеллект всё сделает за тебя лучше и умней.

– Здесь очень спокойно, – голос за спиной против обыкновения не вызвал дрожи. Слишком мягкий, чтоб содержать угрозу. – Вы часто здесь бываете?

– Когда-то... раньше, – уклончиво ответил Орлов пустоте.

– Если вернулись в прежнюю точку, значит впереди новый путь, – сообщили вдруг и замолчали.

Но Орлов все-таки чувствовал за спиной чье-то присутствие. Давно уже сдалось мироздание подкидывать ему вещие встречи и вкладывать в уста случайных попутчиков в поездах или метрополитене ответы на мучительные вопросы. Сдалось, потому что не было в Орлове готовности что-либо менять в себе и своей жизни. А сейчас, получается, эта готовность появилась?..

– Хотите в космос? – снова автопилот последних суток, но в голове непоколебимая уверенность, что выстрел сейчас попадет в десятку.

– На то воля божья.

Орлов все-таки обернулся. Человек без определенного возраста: тело замороженного юнца, глаза столетнего старика. И весь светлый какой-то... Но ты ведь ничего не теряешь, Орлов, если поговоришь с ним немного, дашь свои координаты, может, даже проведешь экскурсию по «Харону».

Захрустела под ногами желтая галька нового пути. А рядом был еще один будущий член команды – Дмитрий Зосимов, бывший семинарист, ныне астрофизик.

Глава 2

– Слушай, он чокнутый или как? – темноволосый парень, озвучивший вопрос вполне риторический, все-таки ждал хотя бы реликтового ответа на него.

Повернув голову, он из одной небесной сини, к которой было запрокинуто лицо, уткнулся в другую, точно такую же, только в глазах брата. Тот, впрочем, отвечать не спешил.

– Или где? – проговорил он наконец и закрыл глаза. – Ну какая разница – понарошку в космос или нет. Тебе-то уж точно сплошные плюсы.

Они замолчали. Сверху сияло солнце, прибивая ростки тревоги. Это была земля, родной дом. Где-то у реки дед Саша молча учил деда Кира насаживать червяков на крючок, а тот возмущался этому доисторическому произволу громко, матерно и даже вполне связно. В домике за яблонями мама пекла блинопироги, а папа писал очередную прогу. И все было хорошо, тепло и беззаботно. Всего-то надо – не думать о реальности-шоу «Миссия Амальгама».

Они прилетели домой сегодня утром, получив на руки электронные пропуска в НИИ аэрокосмической техники, нехилую кипу бумажных документов как пережитка эпохи второй НТР и крест с кельтскими плетенками от церкви Возрождения. В общем, полный боекомплект для ухода по ту сторону экрана с билетом в один конец.

Темноволосый поморщился в ответ на собственные мысли. В составе миссии – двадцать человек или что-то около того. Еще полгода назад предложи ему кто-нибудь описать человека, готового уйти в неизвестность, он бы сказал «отчаявшийся, идейный, уголовник», отдельно или все сразу. А сегодня... Ладно, парень, будешь честным с самим собой? Твои проблемы можно решить простым отъездом к черту на кулички в Океанию. Твоя религия по имени «Нейтраль» космических путешествий не требует. Твои хакерские проделки в соавторстве с отцом и дедом еще не привлекли внимания важных людей, а что импланты прокачанные стоят, и по транскоду ты гуляешь – ну так этим вся семья грешит, недаром забрались в такую глушь. Или думаешь ударить первым, привлечь к себе такое внимание, что потом любую напраслину, возведённую на Оникса-звезду-экрана, кинут в одну корзину с Истиной, да там и забудут?

Сердце устало пропустило удар, пока взгляд следил за кругами тающей в резкой синеве пустельги. Волна запоздалой паники упрямо билась в висках. Горе-хакер, а ты подумал, как скажешь матери с отцом, что пиши – пропало, сына будто и не было, уходит в неизвестность из-за в сущности детских проблем с... Стоп. Ни слова больше. Все решено. Может, единственно стоящее – отговорить брата от этой бредовой идеи.

А вот брат как раз никакой паники не испытывал. Осознание факта отсутствия клавиш Ctrl-Z пришло еще пару недель назад, когда его закрутило на центрифуге с перегрузкой в четыре же. А сейчас уже что об этом думать? Тем более что дублеров у него нет, в спину никто не дышит. Есть он, нет его, эдакого мастера на все руки ни рыба ни мясо – разницы никакой.

Время отмерялось редкими поклевками на реке да не слишком настойчивыми попытками мамы собрать всех к столу. Гиблая затея, пока дед Саша – он же мамин отец и Александр Валько, никому не известный немой и страшно везучий рыбак, – не вытащит десятого окушка, пока папа – Дэн Заневский, программист от бога и хакер по карме, – не хлопнет в ладоши над пропастью запрещенного транскода, ставя финальный end в коде. И пока они сами – два родных брата, похожие как ночь и день, не отзовутся на свои имена.

– О-оникс! Янис! Блинопирогов по счету, учтите.

– Учтем, мам! – бодро отрапортовал голубоглазый в пространство, поймав золотой шевелюрой луч клонящегося к закату солнца.

– Знаешь, когда она тебя зовет, – негромко произнес темноволосый, – Янис звучит как Анис. Смешно.

– Поэтому лучше просто Ян, – сообщил небу брат. – Я во всех документах сократил. Ян Заневский.

– Ян Валько, чего уж приbedняться, – хмыкнул второй, щекоча плечо макушкой. – Вылитый дед Саша. А я не стал менять... Даже несмотря на Светку. Оникс Заневский, и пусть идут все лесом.

Они продолжали смотреть в ясное небо. Холодок с востока медленно подбирался к ледяным пальцам одного и горячим ладоням другого. И все было правильно. Лед и огонь всегда вместе, даже если по курсу игра по чужой указке, а огню-Яну вроде как и нет особых причин уху...

Звездный летний треугольник вдруг превратился в две склоненные головы дедов. Ян вздрогнул, Оникс приглушенно выдохнул. После пяти лет жизни в Москве-2 они с трудом ныряли в «детские» условия обитания: тренировки беззвучного скольжения над травой, умение не только слышать, но и слушать, волчьи приемы боя, птичьи стратегии прицельных атак... В городе это оказалось лишним, и если Оникс сумел это как-то запрягать вглубь и выпускать наружу только во время лазертага, то Ян предпочел, чтобы мир подстроился под него сам. И мир подстроился, попутно навешав ярлыки «волчонок» и «дикарь».

– А покликаю я беду, да Ивашкина мясца поем, и Сила с нами пребудет, – нараспев проговорил дед Кир и резким движением бросил парням в лицо горсть ломкой половы, в темноте так похожей на ошметки татарских стрел.

Ян метнулся в сторону, накрывая собой Оникса, и мысль «надо бы что-то сделать» отстала от действующего тела на пару парсеков. Татарские стрелы больно кольнули по шее, но это было неважно.

– М-м-м, – одобрительно протянул дед Саша, поудобней перехватывая удочку. Мол, моя школа, а ты все рыпаешься, Кирька.

– И один другому жизнь да подарит, – припечатал дед Кир над тихо матерящимися великовозрастными внуками, не решавшимися, впрочем, и слова поперек сказать съехавшему с катушек деду.

Процессия потянулась к двухэтажному домику, спрятанному за яблонями, которые с приходом темноты превращались в хтонических чудовищ с сотней рук. Впереди шел дед Кир, маяком серебристого плаща указывая вектор движения. Вторым скользил над землей Оникс – если б кто-нибудь взялся снимать кино с Кириллом Заневским в главной роли, ей богу, дублера искать пришлось недолго, а гримеру платить гроши за седые пряди на висках и паутину морщин вокруг таких же нефритовых, как мелкое море, глаз под сенью пушистых черных ресниц.

А вот топающие в арьергарде Ян и дед Саша явно не играли в разведчиков, и пусть голосовой зеленый шум мог создавать только Ян, дед Саша старался как мог и совершенно не в такт отбивал мелодию на полупустом ведре.

– ...Я пришел – тэбэ нэма, пигмануууула... – Ян сделал театральную паузу, – пыдвила! Ты ж мэнэ пигманула...

Дед Саша был счастлив. И Ян тоже.

Блинопирог были съедены с первой космической скоростью, и меньше чем через час все собрались в гостиной. Света не зажигали. В полутьме комнаты едва слышно шуршали пледы, за железным щитком печи бились в агонии сгорающие поленья, а невнятная песенка дедов на два голоса, один из которых страшно перевирал текст, а другой мычанием подтягивал длинноты, словно была не из этого мира.

– На зверя страшного у века каждого, найдется свой однажды Волкодав, свой волкодав... своей... на зверя волкодав...³

---

³ Мельница «Волкодав»

Ян, пристроившийся у кресла, в которое Оникс залез с ногами и превратил в гнездо, устало прикрыл глаза. Его основательно рубило в сон от переизбытка кислорода в этой глуши, но продержаться до конца дня было делом чести. Он бы и захотел – не сосчитал, сколько раз вот так заставлял дедов перед камином в гостиной, таких же, как сейчас, почти не меняющихся с годами, закутанных в пледы и державшихся за руки, а дед Кир все пытался петь, споря тихим голосом с треском горящих поленьев. Вот еще пара попыток совладать со своим недугом, и прозвучит команда на взлет.

– От винта! Погнали!

Шесть рук синхронно откинули волосы над запрещенными модификациями имплантов. Шесть карт беспроводного доступа вошли в порты. Шесть человек залогинились в ничем не примечательной избушке, точной копии той, что прячется сейчас в глухой воронежской ночи за сторуками яблонями. Каждое бревно – адова куча защитного кода, каждый угол фундамента – бомба с отложенным действием. Если придется уходить быстро и в ночь, то дом не достанется никому.

В транскоде ты такой, какой внутри. Потерявший баланс человек никогда не узнает себя в водах Реки-под-рекой, если только не найдет смелости шагнуть к себе настоящему. Не будет здесь никогда ответственных матерей и везунчиков-фрилансеров, не будет немых истуканов и заговаривающихся гениев, не будет двух несуразных ребят, пролетающих мимо всех рамок, как фанера над Парижем.

А будут Чайка и Нарвал, Саламандра и Буревестник, Ангел Огня и Ангел Льда.

– Так, слушаем сказку и мотаем на ус, – бодро сообщил своему мини-транскоду Кирилл Заневский.

– Жги уже, сказочный ты наш, – хмыкнул Валько, насыщая цифровой воздух приятным баритоном. За целые дни молчания внутри скапливался такой заряд, что впору было разносить сервак департамента безопасности, не к ночи будет помянут. Ну или на крайний случай – потрепать нервы Кирьке.

Но вместо словесной перепалки старый хакер Заневский коротким присвистом гасит все источники света в избушке, даже огоньки индикации внешних систем видеонаблюдения. В тонких пальцах поднимается высокое, синими отблесками играющее на коже ящерицы и перьях всех мастей. Киловольт за киловольт, до самой сути.

«Он жил больше сотни лет назад. Один из тех, что зовутся богами Сети – сверхпроводник, распятый меж мирами. Он перегонял электричество транскода через свои хрупкие кости, каждым позвонком ощущая надвигающееся торнадо на другом конце земного шара».

«Каждая створка карманного зеркала отражает закатный солнечный свет пополам со слегка прищуренными глазами своего владельца, и рыжее осеннее солнце рикошетом бьет в темно-серую радужку».

Крис зажмуривается, но перед глазами у него ещё долгое время маячит бледно-зелёное пятно, а потом, когда он открывает глаза, мир сдвигается со своей привычной точки, и на лицах людей проступают узкие щели, когда они тайком приподнимают свои маски, чтобы всосать в себя жалкую каплю свежего воздуха. И какой-нибудь нудный моралист может вещать хоть до утра, что нельзя так злоупотреблять богатствами амстердамских кофешопов, но действие косяка закончится, едва Крис немного продышит, стоя на Синем мосту, а пришедший образ уже никогда не выветрится из памяти хакера».

Голос Заневского, который никогда и никому не признается, что он правнук того самого бога, ибо имеющий глаза да увидит сам, бьет слушателей навывлет. Судорожно выдыхает вытянутый с того света Дэн – наследник дара, который теперь живет и в сыне Ониксе, Ангеле Льда.

Откликается на легенду и сам парень – точная копия Крис-вечные-двадцать-пять, даже глаза у него те самые, серые, словно это реинкарнация Вебера во плоти. Оникс ловит волну – паутинка запредельного электричества тянется от него к деду, как далекий амстердамский Синий мост.

«Добрая богиня, несущая в тёплых руках свежий хлеб, парное молоко и приветственно зажжённую свечу, может обернуться злой ведьмой, с диким хохотом вспарывающей вены своим жертвам. Неплохой хакер, заводной аргентинец, в фоновом режиме приплясывающий под любую музыку, способен во мгновение ока превратиться в медведя-шатуна, который ломится к цели, не разбирая пути, а если не дерётся, то трахается.

А страшный доктор, готовый с безумной улыбкой пустить на опыты любого, до кого дотянется своими крючковатыми пальцами, на поверку оказывается гениальным нейрохирургом, отличным рассказчиком и верным соратником. Так же, как и мальчик-отличник в скучной одежде, застёгнутой на все пуговицы, спустя пять лет становится безбашенным байкером и охотником на хакеров, а спустя двадцать – любимым человеком того, на кого он открыл свою охоту».

И теперь уже нет покоя роду Валько. Потеряны промежуточные звенья из истинных Охотников на просторах от Питера до Окленда, стерты, наконец, извращения над глумливой судьбой, помещающей пазлы душ в тела с таким расчетом, что как ни крути – ты вне морали, если любишь. Вот она, Катерина Валько, пламя Саньки-саламандры, нашедшее Веберовскую искру. И сын Ян – Ян Заневский, Ян Валько, Ян Такахаси, Ян Рыков – плоть от плоти Охотника, сейчас светящийся нутряным, чистым светом Ангела Огня.

«Повернись спиной к закату и поймай солнечный зайчик. Пусть яркий отблеск сканером пройдёт по лицу того, кто подошёл к тебе слишком близко, пусть световой скальпель вонзится в еле заметную щёлку меж Правдой и Истиной, и тебе останется лишь задать единственный Вопрос.

«Кто ты, Маска?»»

– Почаще задавайте вопросы, парни, – будничным голос деду, с усталостью лет так на двести, бьет сказку на черепки. – Никто этого не любит... Но без этого не будет ни скорости, ни глубины.

После такой сказки на ночь спать не хотелось от слова совсем. Народ вынырнул из транскода малость ошалевший и старался друг другу в глаза не смотреть. Было что-то в рассказе и напутствиях деду Кира, вдруг подрастерявшего своё обычное невмешательство, что-то вскрывающее самую суть вещей. Конечно, братья знали о своем великом пра-пра-пра-черт-знает-сколько-этих-пра-дедушке Кристиане Вебере, в транскоде известном как Овердрайв. И когда в сети появлялась очередная «самая правдивая биография Великого Хакера», дед Санька ее быстренько покупал, а дед Кир разносил на атомы, доставая из загогулинов самое страшное свое оружие, не доставшееся ни одному журналисту – log-файлы Оверхантера.

Но сегодня в рассказе отчетливо пахло пророчеством. Оникс и Ян подумали об этом синхронно, и близость отлёта в космос явно была ни при чем.

– Все спать, – скомандовал дед Кир, чмокая Катю в лоб под смех братьев. Это была давняя семейная шутка про единственную женщину в семье, которую надо беречь и мыть посуду самим. Ну и берег каждый кто как мог.

Ян потянулся, встав с пола, громко хрустнул суставами – двадцать пять, а так-то старик – и вышел из комнаты молча, нарушая все ритуалы прощания с родителями перед сном. Ну

не мог он, не хватало банальной силы воли подойти к матери и заглянуть в глаза перед объятиями, ткнуться лбом отцу в плечо... Да их прошьет этими скопившимися киловольтами. Целый день он бежал от физического контакта, к минимуму свел вербальное общение. Наверняка они обо всем уже догадались. Но лучше уж так, молча. Ибо на вопрос «зачем тебе „Амальгама“, Янис?» ответа как не было, так и нет.

Пропасть за распахнутой входной дверью навалилась на Яна сводящим с ума пьяным предсентябрьским холодком и душным запахом ночной фиалки. Это была главная нота августовской ночи, и после первого сбитого вдоха пришедшее в себя обоняние выцепило терпкую базу начавшего созреть синапа и что-то еще трудноопределимое с сырой земли и далеких звезд.

В паре десятков метров в просвете между яблонями серебрилась мишень для стрельбы – старая доска со следами концентрических кругов и долгих тренировок, сходящихся в едином порыве на черном начале координат.

Попасть. В десятку. Сейчас.

– Хочешь, я скажу: ничего не было, нет, – прошептал Ян, а рука уже привычно тянулась за дверной косяк, нащупывая самодельный лук, – может быть, ты согласишься в это...⁴

Гибкая нетёсаная ива послушно согнулась в сильных руках Яна. Напряжение из пальцев ушло в надрывно молчащую тетиву. Самодельная стрела легла на прицел.

Ян затаил дыхание. Выше, еще немного... Чужая рука вдруг появилась в секторе обзора справа и слегка отвела прицел в сторону. Поправка на ветер, а я и забыл.

– Спасибо, дед, – выдохнул Ян вместе со звоном тетивы.

Стрела ушла в цель и пробила черную дыру в центре мишени. Санька одобритительно хмыкнул, и снова акустикой ночи стали править сверчки из соседних кустов.

Ян стоял с закрытыми глазами, упорно отыгрывая кинестетика с этим нарочито задумчивым исследованием коры на самодельном луке. Ну, давай уже, дед, сдавайся, я все равно ничего не...

Яркий голубой свет ударил под дрожащие веки. Ян невольно распахнул глаза и сразу уперся взглядом в экран смартфона, где на белоснежном поле прыгали черные трясогузки букв: «рассказывай».

– И вот скажи: куда еще вас бить...⁵ – простонал Ян едва слышно, но глубокое погружение было предпринято.

Синие глаза деда, такие же синие как у него, горели огнем джихада. Он не собирался отступать, раз даже перешагнул свои принципы и воспользовался телефоном.

– Только обещай, что не скажешь матери и отцу, – выдохнул Ян, уже за крайним словом осознавая, какую ерунду смолот. Но немой дед Саша спокойно кивнул без намека на горечь обиды.

– Мы.. Я.. – Ян осекся, мысленно обматерив свое нехакерскую натуру. – В общем, мы через две недели уходим в далекий космос.

Пауза.

– Очень далекий.

Долгая пауза и запредельно внимательный взгляд деда, ждущего последнего процента истины.

– Миссия Амальгама. Угоняем корабль и улетаем к чертям.

Проводив взглядом согнутую спину уходящего в молчании Яна, Кирька задумчиво почесал подбородок. Что-то определенно было не так. Лет так двадцать назад получив на лунной

---

⁴ Флёр – Искушение

⁵ Венки сонетов DRC, магистрал С. Калугина

орбите сдвиг по фазе и пройдя за немалые деньги курс реабилитации в Чикаго и Калифорнии, Кирилл Заневский вернул себе ясность ума, хоть и не смог избавиться от чуть придурковатой манеры вербального общения. Ну что ж, не смог избавиться – сделал фирменным стилем: свои плюсы, можно отжигать с заранее данным отпущением грехов. Но вся эта история с потерей и возвратом рассудка настолько обострила интуицию, что третий глаз уже стал как лазерный прицел.

– Оникс, в спальне моей тебя жду, – выдал Кирька в пространство, краем глаза наблюдая за каменеющим лицом парня. Ага, льдинка, ты понял уже, что лишение внука девственности в моих планах на сегодня лишь с пометкой «опционально».

Оникс поднимался за ним по лестнице шаг в шаг. Кирька отметил это машинально. Что поделаешь, лазерная указка интуиции неотделима от хорошей дозы паранойи, а ей в этом доме было пропитано всё. Даже фундамент дома, на этот раз уже реального дома, в котором был заложен нехилый заряд тротила. А еще этот замаскированный гараж за сараем с тремя аэроциклами и автопилотом к тайной хибарке на ладожский как-то-там-язык-сломаешь-саари... В общем, живем, как можем, умираем, как хотим.

– Как консервную банку душу свою вскрывай, – ляпнул Кирька и прикусил язык.

Оникс стоял посреди дедовой спальни серебряным памятником самому себе. Этакая глыба льда под два метра ростом. Кирька подошел к нему вплотную. Годы, годы... Согнулся, уже снизу вверх. Дед сделал над собой усилие, глядя в серые стальные глаза напротив.

– Р-р-рассказывай, – выдал из себя старший Заневский, выдавая в первое «р» код ассемблера.

– Иногда улыбаюсь из Амальгамы, – криво усмехнулся внук, цитируя старое Кирькино стихотворение. – Гугл в помощь, дед.

Карта беспроводного интернета так и осталась в имплантах, поэтому Кирьке хватило трех секунд и одного поискового запроса. Типичное потро-шоу, где под камерами сношаются и убивают, живут и умирают.

Почаще задавайте вопросы, да, хакер?

– Почему?

– Светка Повидайко, – коротко бросил Оникс, отводя взгляд и набирая в грудь побольше воздуха. – Нарисовала маркером себе двойную сплошную на тесте беременности.

Мысли Кирьки понеслись вскачь, но протянуть логическую ниточку от Светки Повидайко к смутно знакомому другому Повидайко он не успел. В комнату ворвался взъерошенный Дэн.

– Дальний контур, – выдохнул он, пробивая высоким напряжением невидимый канал к отцу. – Спецназ.

Кирька присвистнул. Вот тебе и паранойя, а Санька еще посмеивался, ставя за рекой камеры слежения. Еще б понять за ЧТО, но это в допросной расскажут. Наверно.

– Катю и детей забирай, – голос Кирьки, наследный голос Вебера без зоны покрытия, но с точностью снайпера, собирал код мироздания из коротких команд неветвленного алгоритма. – Я и Санька последними... уйдем.

Один из детей скрежетнул зубами.

– Нет, – короткий рык. – Это из-за меня. За мной. Я остаюсь. Вы уходите.

Кирька подкатил глаза. Счет на секунды, спецназ же, растуды вас в свитер, а тут нырок с пробиванием второго дна. Ладно, шум немалый внизу, Катерина уже наверняка Саньку с Яном выловила и навестила к гаражу.

– Колись давай уже, – не выдержал Дэн и тряхнул сына за плечи.

– Это люди Повидайко, главного прокурора Москвы-2, – выдавал информацию Оникс, впиваясь птичьими когтями в ладонь. – Я послал его... И дочку его. Она меня обманула, придумала залет, чтоб я женился.

– Охренеть, – припечатал Дэн.

– Карма, – грохнул Кирька, – мать ее... И поэтому ты в телевизор полез, да?!

– Какой еще телевизор?

Лицо Дэна выразило крайнюю степень апофигея, как периодически бывало со всяким, кто общался с Кирькой.

– Миссия Амальгама, гугл в помощь, – ответил Кирька через плечо, пока тонкие пальцы нашаривали пружину тайника. Флэшка против ноутбука, или не доставайся же ты никому... А я так надеялся, что взрывать не придется. А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела⁶... Так в песне, кажется?

– Не так все просто, дед, – выдавил из себя Оникс в костлявую спину Заневского-самого-старшего. На отца он вообще старался не смотреть. – Мы потом выйдем на орбиту... И к звездам стартанем. Без спроса.

– Окей, только кошку на борт не забудь взять, – отвечивал Кирька, сдавшийся что-то менять в этом колесе Сансары. От судьбы не уйдешь, так пусть же хоть веселее катиться будет.

Тонкие Кирькины пальцы, оказавшиеся в этой воронежской дыре не приспособленными ни к тяпке, ни к лопате, а потому великодушно лишенные Санькой трудовых мозолей, наткнулись на что-то холодное и тонкое, забившееся в дальний угол тайника. Мысли внутри на мгновение выбились из холодной струи рассудка. Под веками вспыхнул стоп-кадр энлетней давности – пушистый комочек белого меха, длинный до неприличия хвост и черные бусинки глаз. Ручной ополовник с подбитым крылом. Долго чирикал потом на жердочке, но всем когда-нибудь уходить.

Кирька выдернул из темной пропасти птичью лапу, превращенную в металл, а за маленькими острыми когтями потянулся спутанный комок кожаного шнура и что-то белое, в бронзе... Ну какого... Кирька невнятно выругался и закинул находку Ониксу прямо в растерянные ладони.

– Лови, лапа околдовника, – бросил Кир через плечо. – Там еще волчий клык, брату отдашь.

Возникшая на пороге растрепанная Катька, а за ее спиной – заполошный Ян разбили поединок взглядов Веберовской линии семьи. Оникс еще попытался сделать заявление, что он остается здесь за Иешуа, Мастера и всех христианских великомучеников разом, но код оказался уже скомпилированным и усиленно переделывал мироздание. Под неслышимый обратный отсчет Дэн схватил в охапку всех, до кого сумел дотянуться, и с грохотом спустил на первый этаж. Ему ужасно не хотелось умирать. Однажды это уже произошло, и больше не тянуло. Каткина горячая ладошка была в его руке и придавала жизни особый привкус полынного счастья. Чего там греха таить – сына на крайний случай заташат под венец, Ян никому не нужен, а вот оба Заневских да и Валько тоже наследили в сети будь здоров. На пару десятков лет строгого режима хватит.

В голове охранка просигналила о нарушении ближнего круга в полкилометра. Финишная. Аэроциклы заведены – Валько свое дело знает, даже автопилот запущен.

Дэн прищурился на сыновей. Бледный как полотно Оникс, растрепанный Ян... Кого за штурвал? Растаявший самоконтроль как при фразе «увидишь открытую воду – жми на газ» или взрывной огонь, который только на этот газ жать и умеет? Ладно, рискнем.

– Ян, ты ведешь, – Дэн прожег взглядом светлую макушку, – Оникс, прошу тебя, без глупостей.

Под деревьями стало очень тихо. Замолчали сверчки, сигналиа о чужаках. Дэн почувствовал, как Катька обвила его руками, прислонившись щекой к спине – на шлемы, кажется, поло-

---

⁶ М. Бернес – Песенка фронтового шофёра

жен большой болт. Но чего-то явно не хватало... Шуточек по поводу «незащищенных полетов» не хватало, вот что.

– Где отец?

Вопрос Дэна повис в воздухе.

– Я за ним! – крикнул Оникс и рванул было к дому, но Ян схватил его за шиворот плаща. «Не так все должно быть, не так», – панически билась мысль на краю его сознания, пока мозг в замедленной съемке наблюдал, как...

...как Александр Валько принял самую невозмутимую мину и вдруг с размаху и разворота ударил рукой по кнопке старта у аэроцикла братьев. С громким матом Яна аэроцикл взвился в воздух, не зажигая бортовых огней, и под вспышки бластеров спецназа ушел на север в звездное небо.

Катка сдавленно охнула. Все было ясно. Генералы не уходят последними. Они вообще не уходят.

Дэн крепко зажмурился, чувствуя кожей, как каждая секунда стремительно уменьшает их суммарный, один на всех, шанс выжить. Вот еще немного, и у Катки сорвет крышу, когда она поймет, что Александр Валько уж точно один не полетит в финско-ладожское захолустье, а если останется здесь, то...

Кто не сделал Выбор – выбыл.

Дэн тихо прошептал, даже не уверенный, что в мироздании есть вообще кто-то, кому предназначены его слова, и рванул тягу.

– Сберегите их, Боги Сети...

Аэроцикл ушел в крутой форсаж.

Под редкие пока еще бластерные вспышки и скрежет громкоговорителя из оперы «выходить по одному, руки за голову» Санька влетел в дом и запер за собой входную дверь. В прихожей уже маялся Кирька с классическим черным чемоданчиком в руках.

– Улетели?

Санька кивнул. Вопросов больше Кирька не задавал. Они нырнули в подвал, запечатывая за собой все пути отхода. Все было по плану. Продумано до мелочей еще много лет назад. Но почему-то сейчас Саньке, задраившему последний люк этого подземного бомбоубежища, настоящего второго дна у ничем не примечательного деревянного дома, всё казалось большой нелепицей. Можно ж было убежать с ребятами и внуками. Можно было выйти к этим, получить пару бессмертных и пусть попробуют что-нибудь предъявить. Можно... Мысленный поток вдруг оборвался, когда дышащий подбитой птицей Кирька вдруг ткнулся лбом в плечо. Наверняка он переключил охранку на себя и теперь видит, как люди в камуфляже ломают двери, врываются в гостиную к потухшему камину, топчут любимый плед в красно-черную клетку...

Ладонь на спину Буревестника. Вторую – на пятое ребро. Дыши, птица.

Нет у меня причин уходить одному, зато есть причина остаться.

– Все. Они все. И этот... Родственник неудавшийся, – с трудом проговорил Кирька и вдруг спрятал лицо на груди друга. – Са-анька... Не знаю, выдержат ли... Стены... С тобой. Ящерка. Жги.

Руки распахивают чемоданчик. Над головой – чужие в родном доме. Вокруг – бомбоубежище, которое не было повода проверить. И прежде чем взорвать свою жизнь, Александр Валько одним резким движением опрокинул Кирилла Заневского на сырой земляной пол и прикрыл собой.

Моя школа, Буревестник.

И, кажется, я скажу все-таки то, что давно уже могу, но не решаюсь.

– С тобой, птица... Разряд!

Глава 3

Флакон прозрачного стекла с красной каплей внутри падает в протянутые Женины ладони. Дядя Георгий улыбается, и морщинки в уголках его глаз похожи на остовы вееров. Он много путешествует, нет ни одной страны, где бы не побывал со своими картинами и лекциями об искусстве XX века. Если и есть на Земле человек, с которым Жене всегда легко и весело, то это он – любимый дядя. Ни разу не оттолкнул от себя, помогал советами, утешал, когда его же сыновья-близнецы дразнили «рыжей-бесстыжей», «таракашкой» и прочими обидными словами. Если бы не мальчишки, то она приезжала бы к дяде в гости чаще. Огромная коллекция книг по искусству, их можно рассматривать часами, макет древнерусского замка из дерева и пластилина на кухне – он сам его собирал и вытачивал каждое бревнышко крепостной стены, тщательно лепил каждого воина вплоть до мельчайших деталей одежды и снаряжения... Сказка, чудо. И там нет места быту, который столь навязчиво вмешивался в Женину жизнь дома.

– Я подобрал это на пляже в Сиднее. Под ногой шевельнулся особый камушек, странный. Смотрю – а и не камушек вовсе, а послание моря в бутылке. Миниатюрное. Сразу решил, что подарю его тебе, что бы там ни было внутри.

Женя недоверчиво вертит флакон в руке. Он очень маленький, рубиновая искра горит на просвет. Будто чья-то кровь в прозрачном теле совершенной формы. Открыть пробку – минутное дело, втянуть ноздрями запах неведомого...

– Странно пахнет. – Женя озадаченно смотрит на дядю, и тот улыбается ей в ответ.

– Совершенно согласен. Для лекарства слишком вкусный запах, для духов – слишком странный. Ты реши для себя, что это будет.

Крошка-флакон перекачивается во внутренний карман Жениной стеганой жилетки. Еще одна тайна, и до нее не добраться ни Сашуле, ни мамуле.

– Спасибо... – Порывисто обнять дядю и чмокнуть в щеку. Сжать его истончающееся запястье. У Жени нет иллюзий, что все будет хорошо. Дядя уже смотрит за грань, туда, куда уходят любимые люди и звери, когда заканчивается их жизненный срок, туда, куда однажды уйдет и сама Женя. Она чувствует, что загадочный флакончик – последний подарок, и молча дает себе клятву сохранить его навсегда. Как память. Как средоточие всего лучшего, теплого, любящего, что дала ей жизнь через общение с дядей Георгием. И никто не сможет это отнять – нечего отнимать, когда не знаешь о том, что оно существует. В тайный карман, ближе к сердцу. И всегда носить с собой, что бы ни случилось, ведь отныне в маленьком стеклянном флаконе стало на одну капельку крови больше.

***

– Заходите, – на третьи сутки непрерывных собеседований голосом Орлова можно было озвучивать вымотанного в ноль врача захолустной клиники, – э-э... Виктор.

Виктор Ивашин, типичный Гагарин в форме борт-инженера второсортной авиакомпании, читай – куртка на размер больше чем надо, фуражка затерта до дыр так, словно прожженный алкоголик занюхивал ей вчера свою стотысячную стопку, а про штаны с красными лампасами вообще было стыдно упоминать, – отчеканил три шага до стола Орлова и совсем робко приземлился на край стула для посетителей. Сколько ему не говорили, что полетами здесь и не пахнет, а звезда телеэкрана из него получилась бы только в прошлом веке, Виктор интуитивно надеялся получить все, не требуя ничего.

– Бумажки оставьте при себе, – упреительно попросил Орлов, отстраняя рукой кипу листов, протянутую Виктором. – Всё, что нужно, я прочёл из вашего резюме, только пропуск

дайте, я должен расписаться, сдадите на проходной. Вы уже у киношников... эээм... на студии были?

– Они сказали, сначала к вам, – пожал плечами Ивашин.

Орлову вообще хотелось бы стать единственной инстанцией отбора. Взять таких спецов на борт «Харона», чтобы золотое время первых перевернулось в могиле двадцатого века. Но лучше уж дать киношникам на выбор два-три более-менее пригодных человечков и пусть выбирают по привлекательности фотомордочки, чем ему самому выбирать между тремя красивыми мужскими тушами, ни фига не понимающими в летном уставе. А еще лучше поставить режиссера перед фактом: «Я беру этого человека и идите лесом!»

Капитан прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться и придать своему осололевшему взгляду пронзительную резкость, которая не оставляла бы собеседнику иного варианта, кроме как ответить истину на единственный вопрос, не предусмотренный ни в одном собеседовании.

– Назовите троих людей... или три вещи, ради которых вы можете отказаться от своей мечты.

Витька еле заметно вздрогнул – не то Орлову и впрямь удалось пробить нехитрые, но вполне устойчивые защиты паренька, не то кандидат в бортинженеры почувствовал слабый импульс, который пробежался по его позвоночнику и выдал первые результаты на тонкий гибкий экранчик, скрытый в левой ладони капитана.

Стараясь не выдать себя, Орлов скосил взгляд на руки. Как бишь там в старом анекдоте: «В кабинете режиссёра стоял диван для распределения ролей»? Ну, так здесь всё на порядок круче. Пока в сером веществе сидящего напротив человека с первой космической проносятся картинки давних и не очень лет, пока он пытается упихать их на весы здравого смысла, не зная, в какой такой системе мер и весов следует оценить родительскую любовь, первую школьную нежность и институтскую страсть, свежезаконченный ремонт и купленный на днях флаер, о котором мечтал с детства, но иметь который не разрешали те самые родители – кресло со встроенной бесконтактной ЭЭГ исправно считывает следы невидимых нитей, которыми человек пришит к своей земной жизни, и отрисовывает образы во всех подробностях. И не вздумай, Ивашин, сказать, что тебя, словно заправского буддиста, в этом мире не держит ни одна привязанность, когда я вижу престарелую мать на завалинке и русую макушку лучшего друга, что с рассветом пришёл будить тебя на рыбалку. Таких, кто пытался на словах залихватски помножить на ноль всё, чем дорожил, до тебя было уже десятка два, Витя, но меня обмануть можно, а кресло – нельзя, и если система почует, что кандалы на твоих ногах весят больше, чем способны поднять твои крылья, повторного пропуска на съёмочную площадку НИИ тебе никто не закажет.

Орлов смотрел на вывернутого наизнанку Ивашина, вдруг выпустившего во внешний мир самое сокровенное, и мысленно взвешивал его шансы на проход кастинга. Лицо красивое, тренированный, видно, что что еще не растерял форму в своем захолюстье – что там, Псков или Нежеголь? – но одет, конечно, на букву «хэ». Да и простой, как швабра «Умелица», черенок телескопический, мать вашу за ногу. Орлов раздраженно скрипнул креслом. Ивашин нужен в команде. Нужен, чтобы уравновесить второго борт-инженера, навязанного режиссером как архетип горного орла. И я буду не капитан Орлов, если не выбью Ивашина для се...

– Капитан, у нас новорожденный! – вопль с порога и запоздалый жалобный скрип распахнутой настежь двери оборвали Орлова на полумысли.

Ивашин и вовсе едва не свалился со стула. «Ну ничего, быть готовым к такому вторжению я тебя научу», – мельком подумал Орлов. А если у меня не получится, Жизнь заставит. Мне-то вообще не привыкать к отсутствию личных границ. Орлов на первой космической пролетел через дом детства без замков на дверях, через страшный кошмар – незапертую дверь туалета, в котором стоило зажечь лампочку и вся семья летела, как мотылек, на свет, через

простреливаемый навывлет с порога экран компьютера... Да мало ли что еще может превратить тебя в зверя настороже.

– Только не говорите, что Рита Лебедянская уже родила, – буркнул Орлов, свербя взглядом Ивашина.

Раздери тебя космические волки, парень, соберись, а! Мне сейчас твою тушку надо на руках пронести через съемочную площадку да еще и с первого дубля, а ты весь потерянный, как щенок без мамки. Жаль, что пульт в моих руках только на чтение, а то б я устроил тебе лечение электрофорезом.

Режиссер, мужчина в высшей степени дерганый и растрепанный, и в подметки не годящийся таким титанам, как Говорухин и Сикорски, на мгновение подвис, взвешивая идею родов и Риты, но, видимо, отмел как слишком дорогую и труднореализуемую со стороны этой бабы-суперсиськи. Орлов едва заметно усмехнулся. Ладно, где шах, там и мат. Во всех смыслах.

– А я тут нашел нам борт-инженера номер-один, – выдал Орлов, выпуская из ладони экран с видеорядом из Витькиной головы. – Знакомьтесь, Виктор Ивашин, специалист высокого класса... и с очень интересной внешностью, не правда ли?

Режиссер, которого повторно оборвали на вдохе, разъяренной фурией обернулся на парня. Ивашин выглядел неважно. Примерно, как пингвин, которому выдали пару крыльев Икара после провала теста на профпригодность. Критический осмотр, пара секунд на принятие решения, быстрый взгляд на капитана Орлова.

– Слишком простоват, не?

Ладно, ва-банк.

– Ну вы ж там что-то говорили про... нетрадиционные отношения, – лениво протянул Орлов, прицельно пнув для верности Ивашина в коленку. – Вот чем не пара Дамиру нашему, орлу горному. Я думаю, продюсер оценит. Да и зрители...

Кажется, физический контакт в виде пинания все-таки подействовал лучше умоляюще-грозных взглядов. Ивашин сидел с видом каменным, будто перед военным трибуналом. А капитан разливался соловьем о прелестных сценах в креслах пилотов, которых два, а значит, можно по очереди, знаете ли...

Режиссёр картинно закатил глаза – мол, подписывайте уже и на площадку его – и вышел, неубедительно попытавшись хлопнуть дверью. Но уже почти что закрыв дверь, снова засунул в комнату свою растрепанную башку:

– Так о новорожденных, Евгений Сергеевич. Там указанием сверху политического вписали. Светозар Ересько какой-то, еще не видел, да и не увижу, похоже – его где-то перед самым отлетом покажут, он сейчас по тайге старообрядцев ловит. Вместо кого ставим?

Глухо рыкнув, Орлов буркнул что-то вроде «с таким именем только в священники, или они хотят гомосексуалистов к программе партии привлечь», но мозг уже проводил шпагой черту на песке между «необходимыми членами экспедиции» и «раздутыми штатами». Ха, да кого я обманываю, все не так. Между «кого хочу и отдавать жалко» и «на тебе боже, что мне негоже».

– Выкидывайте второго физика. Зосимова оставьте.

Режиссерская голова исчезла, оставив по себе горький привкус полынных мыслей. Все мы люди подневольные. Впрочем, дай нам волю, мы бы поигрались с ней, как с новой куклой, да закинули бы на дальнюю полку, снова ярмо надев.

– Теперь слушай меня внимательно, – едва удержавшись от контрольного «сосунок», страшным шёпотом приказал Витьке Орлов. – Что бы там ни было, а полететь ты хочешь. Очень хочешь, только никто с собой не берёт. Так? Так. И я могу помочь тебе. Этих с камерами и дурацкими идеями придётся терпеть и слушаться только на предполётной подготовке. Сама миссия будет настоящей. Как только взлетим – всё, финита ля комедия. Помни, Ивашин.

Мы – не актёришки, которые играют космонавтов. Мы – космонавты, которые играют актёров, которые...

– Но, товарищ... капитан, почему так хитровыделанно? – от объёма полученной в минуту информации у Витьки едва пар из ушей не валил. – Если б я о вас не был наслышан, подумал, что лажа какая-то.

Орлов тихо зарычал. Всё-таки ещё не рассосался синяк на астральной пятой точке, под которую ему с товарищами прицельно пнуло государство. Было больно и обидно. Однако, кристалл капитанской души дал трещину, но не развалился на куски. А полынная горечь, смешавшись с алмазной пылью, превратилась в сложный яд, который уже ждал своего часа, чтобы обратиться против любого, кто посмеет встать у него на пути к звёздам.

– Потому что, ядерный синтез их разорви, игра в жизнь сейчас почему-то в большей цене, чем настоящая жизнь! – выкрикнул Орлов. – За реалити-шоу-потрошоу готовы платить, а за науку – ни черта, хотя сюжет и цель, чёрт дери, совершенно одинаковые. Вот и бредём окольными тропами, чтоб их...

Глубокий вдох, чтобы не сорваться на кашель – ну правда, что за капитан у армии калек – и последнее:

– Я попробую исполнить твою мечту о полёте, Ивашин. Попробую, слышишь! Взамен требую только одно. Никому ни слова о настоящей цели экспедиции. Ни другу, ни матери ничего не говорить. Даже если будут насмехаться, что ты в артисты подался, даже если отговаривать начнут. Согласен? Подписывай вот тут. И скан отпечатков пальцев не забудь.

***

Информационный щит у дверей Главного выглядел так, как будто где-то недалеко потерпел крушение танкер со следователем и художником на борту. И теперь в голубом пространстве пластика плавали обрывки официальных бланков, куски приказов, прошлогодняя стенгазета и плакат «Слава нашим героям!». Герои – основной и дублирующий состав первого космического реалити-шоу «Амальгама» – были сфотографированы с очень бурым и старым знаменем в качестве фона, что сделало плакат до смешного похожим на выпускной школьный альбом.

Антон Ковалев значился вторым после капитана Евгения Орлова. Фотография была уже основательно засижена мухами, трехмерная голограмма выцвела, но даже так случайный бумагоноситец, летящий по коридорам Штаба космогорода, не сличил бы молодого мужчину в прямоугольнике кадра и тощую тень, привалившуюся плечом к стенке рядом с информационным щитом.

Взгляд Ковалева переходил с одного лица на другое, а высокий рост и пустынные коридоры позволяли что-то уже совсем странное – скользнуть кончиками пальцев по краям голографических вырубков. Наверно, в такие минуты бы пожалеть себя, родимого... Вспомнить, сколько лет жизни угрохано на то, чтобы стать первоклассным «специалистом по космическим двигателям», ибо как только это не называли уже: и *specialist engines*, и *driver engine* – «водитель двигателя», раздери их на фотоны, и «физиком-ядерщиком» даже однажды записали в трудовой. Вспомнить, а потом свысока посмотреть на все молодо-зелено в команде, которых выцепили чуть ли не с институтской скамьи, руководствуясь принципом «диплом есть, в кадре смотрится хорошо».

Нет. Антон Ковалев болезненно сощурился от удара, который прилетел нытику внутри от Ковалева-настоящего. Ковалева, высокого, с седым снегом на голове, который всегда имел силы вытянуть себя из пропасти, даже не допуская мысли, что можно кого-то позвать на помощь. Миссия «Амальгама» превратилась в телевизионный фарс, в ушах до сих пор звучала фраза режиссёра: «У нас по сценарию ядерщик – молодая девчонка, а вы что-то не очень

на неё похожи», – и единственной картой, которую Ковалев мог разыграть, чтобы сохранить хоть какое-то достоинство, был уход по собственному желанию.

Повинуясь горькому порыву, пожилой мужчина сорвал со стены собственную фотографию и убрал в чемодан, а потом снова вперился взглядом в снимки. С большей частью новой команды он успел познакомиться за прошедшую неделю, а кое-кого знал ближе, чем казалось со стороны.

Андре Соньер. Пожалуй, самая чистая душа во всей экспедиции. Хрупкий юноша, совмещающий в себе и талант пилота, и истинно штурманский рационализм. Горный хрусталь с золотистыми нитями рутила в сердце.

Валерия Лисова, главного медика, забрали прямо из горячей точки сюда, в тихую гавань. Это его чуть не сломало. Ковалев вспомнил, как они с капитаном в четыре руки ловили его ночами на последних рубежах космогородка, почти что висая на колючей проволоке, когда Лисов рвался выполнить свой долг врача-спасателя до конца.

Пальцы Ковалева замерли между двух следующих фотографий с пометками «Сектор медицины». Рита Лебедянская, фармаколог и хирург, и Лев Мессер, нейрофизиолог. Темный мокрый сон всех мужиков и мечта метросексуала. Тихий смешок. Ладно, дальше. Ну не вязалась с этими двумя клятва Гиппократа, скорее Черные Жнецы и эксперименты без границ. Да и взяли их в полёт, как предположил скептик в голове, чтобы на Земле легче дышалось.

А вот суперкарго Славку Порожняка явно брали за говорящую фамилию. Следующим значился Вася Сидоров, но за карго – читай грузчик-вульгарис, кроме атлетического телосложения, особых примет замечено не было.

Никита Лосев. «Кибернетик №1». Должен был быть и №2, только что-то там в верхах не определились толком и решили: «А возьмем-ка мы программиста». Так появился в миссии Оникс Заневский, а Никита остался за номером один.

Серые глаза Оникса на фото такого цвета, будто печатник решил не мудрить с четырьмя красками, а забил в радужку парня чистое серебро, – прошли Ковалева навыворот, увидели, все что их интересовало, а потом красной ниточкой заштопали пробитое место.

Мимо следующей фотографии пальцы проскочили на первой космической, но взгляд все равно обжегся о грозовую синеву и золотистое пшеничное поле. Ян Заневский. Если и правда брат, как шептались в раздевалках, то у отца семейства должны быть большие вопросы к супруге. Впрочем, для инженера-исследователя, который занимается чем бог на душу положит, это не имело значения. Наверно, поэтому Ян и не провел своего экзамена ни для кого.

Ковалев, нырнувший уже так глубоко, что забыл даже смотреть на часы и считать минуты до заветной аудиенции у Главного, акульным плавником скользил по волнам памяти, отрезая себя-прошлого от себя-нынешнего прямоугольниками фотокадров.

Вот парочка борт-инженеров, Витька Ивашин и Дамир Рамазанов, гагаринская улыбка и горные вершины Кавказа.

Вот физик Зосимов, старомодные очки и крестик церкви Возрождения в вырезе клетчатой рубашки. Ещё вчера рядом была тень безликая, физик-номер-два, Безручкин, отряд яйцеголовых теоретиков, подвид «квантовая физика – наше все». Убрали. Может, и к лучшему.

Вот штатный оператор шоу Мишка Пурга и связист Ромка Костиков, поток более или менее остроумной болтовни против прокачанного мозга заядлого игромана.

Ну и, наконец, изюминка экспедиции, «раздутые штаты»: три специалиста, которым не то что экзамены сдавать – рядом посиди пять минут и просветлением накроет. Геолог Тимофей Лапшин, биолог Антон Хлебников и лингвист Настя Ветер. Это вроде как на случай «открытия внеземной цивилизации», которую снимать будут не то в ладожских шхерах, не то на островах Океании. Пальцы скользнули по русым косам лингвиста и сорвались в пропасть. Вторая женщина в миссии «Амальгама». Хотя нет, уже третья.

Ковалев скрипнул зубами. То, что так упорно гонишь от себя, непременно ударит под дых, стоит хоть немного расслабиться. Время, чёртовое время. Бегаешь по утрам, читаешь современные научные журналы, убеждаешь себя, что на что-то ещё годишься, а за спиной сопят и наступают на пятки молодые и амбициозные. И как правило, существует две крайности – мы или втайне их боимся, потому что они действительно могут оказаться умнее/сильнее/лучше нас (нужное подчеркнуть), либо не доверяем, предполагая, что они непременно нас подведут. Только как ты сейчас, Антон Ковалев, специалист по космическим двигателям из списка широко известных в узких кругах, пойдешь к Главному, если сам не веришь в ту, которую уже утвердили на твоё место?

Незаменимых быть не должно. Почти детское личико с россыпью веснушек, рыжие кудряшки. Девочка-солнышко, куда такую пускать к фотонной тяге и водородным двигателям? Только в упрямых глазах пережитой боли не на двадцать пять, а на все твои сорок семь.

***

Вдох. Выдох. Ботинки жмут и одежда, как с чужого плеча. Ты невольно горбишься за плечом высокого капитана, лицом к лицу с командой. Вот-вот капитан произнесет твоё имя, оно толкнет тебя в плечо, как отдача от приклада ружья, и надо будет преодолеть себя. Сделать шаг вперед, открыть рот и представиться всем этим людям, которые сейчас сканируют тебя взглядами. Взвешивают каждый твой незримый и предполагаемый грешок. Выискивают изъяны в лице и фигуре. Изучают. Разбирают на атомы и соединяют обратно уже в виде своих трактовок. И раз за разом повторяется этот цикл. Где бы ты ни появлялась, Женя. В каждой школе, в институте, в секциях, куда ты приходила с середины года, в каждом новом коллективе и теперь здесь. Но сегодня есть важное отличие: если не сейчас, то никогда. Это – твой единственный шанс в буквальном смысле исчезнуть с лица Земли с гордо поднятой головой, не совершая греха, и ты его не провалишь. И, как глас Божий, над головой гремят на всю команду судьбоносные слова тезки, капитана Орлова:

– Ребята. В нашей команде меняется состав. Антон Ковалев отказался участвовать в миссии.

– Слабак! Подставил всех! – крепкий парень с бычьей шеей нахмурился и что-то зашептал своему другу, рассерженно жестикулируя. Команда загудела, как встревоженный улей. Шутка ли – по правилам, если один из команды лететь не может, меняют весь экипаж. И непонятно, то ли их и вправду оставят на Земле, то ли это хитрый ход сценариста, пожелавшего добавить в рутину предполётной подготовки немного остроты. Можно, конечно, успокоить себя тем, что дублеров киношники берут почти случайно и для массовки, но чем черт не шутит.

– Ты ошибаешься. Он сделал свой выбор, и мы не вправе его винить, – высокий и черноволосый сверкнул ледяным взглядом в сторону смутьяна, и тот погрозил ему кулаком. Тут же между ними появился из ниоткуда третий – солнечным зайчиком вспыхнули пшеничные волосы, и грозовой синевой – глаза. «Только тронь. Пожалеешь», – этот синий огонь готов был вырваться наружу и начать драку – настоящую, не ради показухи перед скрытыми камерами. Ты запоминаешь этих двоих, что-то в них тебя пугает – незримая нить между ними, звенящая в воздухе? Обостренное чувство справедливости первого и живой огонь во втором? Осторожнее с ними в будущем...

– Отставить разборки, – вклинивается капитан. – Как вы собираетесь работать вместе, если сцепились еще до начала тренировок? Мы все летим. Заменили только Ковалева. Знакомьтесь, наш новый ядерщик... Евгения Симань!

При звуке своего имени Женя шагнула вперед деревянными ногами, деревянной же рукой отсалютовала новым коллегам и ватными губами выжала из себя неуверительное «здравствуйте».

– У-тю-тю! Так вот что это за девка... А она нас не подвзорвет вместе с жестянкой? – опять тот же насмешливый голос. Женино лицо заливают краска стыда. Вот так, при всех, с первой же секунды. Подними глаза. Заставь себя увидеть лицо того, кто озвучивает свои мысли тотчас же, как они появляются в орешке его мозга. Все тот же парень с бычьей шеей, кто бы сомневался.

– Тихо. Благодаря Евгении наша команда летит и ничего не отменяется, запомните это. А с тобой, Порожняк, я поговорю отдельно... – капитан Орлов подмигивает Жене, застывшей на месте, и отпускает команду.

Чья-то рука осторожно прикасается к плечу.

– Не обижайся на Славку, он дурень и шутит не в тему. Кстати, я – Настя, – добрые синие глаза, веснушки на чуть вздернутом носу. И теплая, доверчиво протянутая ладонь. Можно выдохнуть – хоть один человек вышел навстречу из стаи потенциальных хищников.

Глава 4

«Ладоги много не бывает», – не устал писать на экране смартфона дед Саша всякий раз, когда наставало время уезжать из тихого домика в окрестностях Сортавалы. «Недели достаточно для реанимации, – отвечала в таких случаях Катька. – Потом начинаешь прирастать к этим местам».

Заветная неделя, проведенная под девизом «залечь на дно всей хакерской семейкой» окончилась еще вчера, а тишина в эфире со стороны дедов стала поистине невыносимой. Пора было возвращаться в режим онлайн и безудержного экшена.

Подняв в серое северное небо изрядно потрёпанный флаер, Оникс нацелил его на Москву и выжал тягу. Дисциплины Яна хватило на пару минут полета, в течение которых он сидел как положено, схватившись за боковые скобы на борту, а потом его теплые руки привычно обняли брата чуть выше пояса.

– После Волхова машина твоя, как обещал, – зазвучал в шлеме Яна тихий голос Оникса.

[Почему так всегда: накануне отпуска сваливается куча дел, а накануне отлета в никуда – так вообще полный...]

– Только если сам хочешь, – отозвался Ян.

[Мы снова должны обогнать Время и закрыть все чертовы гештальты. Единственный способ получить разрешение на взлет.]

И вдруг Оникс понял. Вся эта беготня и круговерть – в наших головах и только. Ждут дома. Ждут на космодроме. А космос не ждёт ничего и никого. Ему вообще все равно.

– Так всегда: если бездна глядит в тебя⁷, – прошептал Оникс.

– То тем хуже для бездны, брат⁷, – подхватил Ян.

Запрос, ответ, синхронизация.

До самого Волхова в эфире царила тишина.

Сдав Яна в надежные руки товарищей по летному клубу – пусть оторвется напоследок – Оникс прочертил изломанный маршрут по карте Москвы. Навигатор тихо пискнул, выдавая информацию о пробках и погоде.

«Все нормальные люди», уезжая, прощались с людьми. Оникс прощался с городом.

Пряничная безмятежность Измайловского кремля. В последней открытой лавочке купить, не глядя, антикварный советский значок, выйти на улицу и в разжатом кулаке увидеть изображение двух летящих чаек – логотип какой-то авиакомпания. Это был его личный сорт гадания – на значках.

Путь от католического собора, чьи шпили теперь упорно напоминали о ракетах, готовых пронзить небеса, до высоток Делового центра, давно утративших свой статус архитектурной доминанты, занял у быстрого птицы от силы сорок минут.

– Мятный латте, пожалуйста.

Официантка кинула быстрый взгляд на тощего растрепанного парня, вспоминая, где она могла его видеть, и что-то в странно сгорбленных плечах незнакомца заставило девушку при-
тормозить у стола.

Оникс снял темные очки. Прочь защиты и зеркала. Интересно, каким ты увидишь меня сейчас, когда я попрошу...

– Айриш кофе. Большой.

Уставшим. А еще безнадежно забывшим, что когда-то умел летать.

---

⁷ Graurock – «Братское»

***

Отрываться, как же. Ян показательно опрокинул стопку бежеровки, с наигранной веселостью влившись в круговорот пилотов под пристальным взглядом брата. Сколько тебе потребуется времени, льдинка, чтоб поверить моей прямой и совершенно деревянной спине, что я совсем не думаю о молчании воронежского домика и готов запросто сесть в летное кресло, нацепить шлем и разбить наголову последнего победителя чемпионата? Минута? Две?

– Алька, кто на этой неделе самый крутой? – громко спросил Ян, раскручивая в руке пустую стопку.

Взгляд Оникса все еще жег затылок. Да, брат, и еще я притворюсь духовно слепым, хоть у тебя и на лбу написано, что ты так дело дедов не оставишь. Ян судорожно сглотнул слово «смерть», отменяя к лешему самое очевидное. Нет, дед Саша так просто подышать не стал бы. Да и деду Киру бы сдохнуть не дал.

– Хочешь наверстать упущенное? – Алька, хозяин клуба, тряхнул головой, исподлобья глядя на парня. Да, у меня тоже «во лбу звезда горит», даже переводчик не нужен – у Яниса Заневского два варианта на этот вечер: нажраться или улетаться в хлам.

Имя выигравшего Ян пропустил мимо ушей. Неважно, ибо жалящий взгляд исчез. Все, Оникс, мое спасение и отпущение грехов, я свободен. Мне плевать на летный чемпионат, мне важна идея прощения⁸.

– Уделаю на раз, покажите мне его! – провозгласил Ян, мысленно прикидывая временные ресурсы.

Оникс явно что-то затеял, и оставалось только успеть воплотить собственные планы до того, как сероглазый хакер с плохой наследственной способностью влипать в историю в очередной раз перевернет мироздание вверх тормашками. «Успеть», вечное это «успеть». Живешь двадцатиминутками чужих желаний и чужих же требований, а самому и вечности было бы мало на раскачку. Этаким индеец майя с тринадцатью пятницами на неделе и двадцатью итерациями вложенного цикла. Так, может, оно и к лучшему. Вспыхнуть и выложиться до конца, как любил говаривать дед Саша.

Черт, ну почему в прошедшем времени...

– Я в этом не сомневаюсь, Ян, – тихий голос за спиной с легким акцентом заставил парня окаменеть. Кто бы сомневался. Андре Соньер. Пилот от бога, вырвать пять побед из десяти – повод уйти во все тяжкие от радости, только вот одно «но» – я брал у тебя и семь побед, Андре, еще в прошлом месяце.

Ян наконец заставил себя вырваться из Алькиных золотистых глаз – вот уж мода на эти цветные линзы, – и обернуться. Андре Соньер выглядел совсем ребенком, даже полная летная экипировка с нашивками председателя клуба солидности не добавляла. Весь какой-то тощий, словно хрустальный, ассиметричная челка и черные волосы... Он всегда напоминал Яну Оникса – только в брате несмотря на небольшую сутулость чувствовался стальной стержень цели, а в Андре этого не было и в помине. Было что-то девчачье... и французское? Но, тем не менее, – ас высшего класса, Академия и пара поколений военных летчиков за спиной, а теперь еще и должность пилота в миссии «Амальгама». Пилота без дублера. Внутри Яна всколыхнулась даже не зависть – тупая игла старой боли, сейчас подарившая надежду: может, капитан Орлов намекнул там режиссёру и отказался от дублера для Соньера лишь потому, что знает о таланте Яна Заневского? Темная лошадка на финише, только кто поверит в тебя без дипломов и кучи бумажек?

– Раз не сомневаешься – и проверять не будем, – припечатал Ян.

---

⁸ Дана Сидерос – Час пик

Время, чертово время. Ну назови меня трусом, Соньер, только мне сейчас нужна не слава и престиж среди наших красавцев, не твоя безвольная тушка, которую несут на реанимацию в медотсек, а всего лишь... Малость.

– Да ладно? – Андре вскинул правую бровь, принимая вызов.

– Хорошо, проверим. На твоих условиях. И я пропущу первую атаку.

Алька тихо присвистнул и убрал бутылку бехеровки подальше. И то верно, то ли награждать победителя, то ли отпаивать проигравшего – не все ли равно? Только вот Андре Соньер обладал куда более чуткой душой, чем председатель за стойкой. И вот сколько Ян не менял клубов за свою жизнь, везде одно и то же: один председатель – человек как человек, солнце ясное, отзывчивое, а второй... «Регламент – это я», и понеслась.

– Что случилось, Ян? – спросил Андре, неожиданно оказываясь совсем рядом и скидывая на барную стойку черный объем летного шлема. – Аттракционы неслыханной щедрости – не твой стиль.

– Мне нужен пароль от председательского чата всех отделений клуба, – выдохнул Ян с закрытыми глазами.

– Зачем?

Вот так просто. Запрос. Ответ. Синхронизация?

– Карта с метками всех членов клуба. Может, кто-то есть... – ныряя уже, мямля, – есть рядом с Воронежем. Я дам координаты. Слетать и посмотреть, что там... осталось, – Ян вскинул на Андре синее пламя Ладоги. – Мне нельзя туда самому. Могут ждать.

– Мы дружим с властями, – мягко напомнил за плечом Алька, но Соньер лишь дернул плечом. Все дружат, пока их не схватили за яйца, астральные и не очень. Французские пальцы нарочито медленно вогнали карту в импланты. Упавшие на лицо пряди черных волос сделали Андре еще больше похожим на девушку-пацанку. Ян мысленно дал себе в челюсть с разворота, ибо приключений за четверть века на его попе было уже столько, что Андре Соньера там только не хватало, да.

А время идет. И от Оникса никаких вестей, хотя наверняка какой-нибудь сервак ломает. У него всегда перед Делом такой взгляд, тяжелый, перенасыщенный электричеством.

– Говори координаты, – голос Андре совсем не вязался с девчачьей челкой. Такие интонации – да следователю в допросной, если не инквизитору в подземных казематах.

– Пятьдесят один градус, пятьдесят три, двенадцать, – на память называл Ян широту. С долготой было проще. – Тридцать восемь градусов, пятьдесят восемь сотых.

Помнится, много лет назад они с дедом Сашей на спор – на листочке карандашом возмущенные смайлики рисовали, – решили опровергнуть заявление Кирилла Заневского, что вмешательство в человеческую память семь символов и больше, простите, есть насилие над природой в жесткой анальной форме. Так и выучил Ян координаты домика в Нижнедевицком районе Воронежской области. Кто б знал, что вот так пригодится.

– В пятидесяти километрах к западу летит Амир Вегард, – откликнулся Андре секунд через двадцать. – Просить его?

[Доверяешь? Или рискуешь этим человеком?]

– Да. Дом у реки. Или что-то... – дыхание у Яна перехватило. Андре смотрел уже просто сквозь него, а признаться самому себе все не хватало сил. Скрип зубов. Выплюнуть истину, чтобы чужой человек не угробил свою жизнь. – Пепелище там должно быть. Камеры. Слежка. Высота метров двадцать. Без посадки. Пара фоток, если возможно.

Ян закрыл лицо руками. В груди вспыхивали и гасли огни взлетной полосы, как диодные ленты прямых дорог, которые вот-вот превратятся в глухие окольные тропы. Где-то далеко на Севере прячутся мать с отцом, отдавшие им свои жизни, а вместо тихой бухты на склоне лет обретшие прятки и гон зверей на флажки. Где-то Оникс, душа Веберов-Заневских, творит свою цифровую магию, и каждый аккорд его высокого, его ненависти, сплавленной с бессии-

лием что-либо изменить, отдаётся глухим ревербом под пятым ребром. Где-то Амир Вегард, юркий такой парнишка из новеньких, прожектором флаера выискивает цель и фотографирует разнесенный в ключья фундамент.

Так на что ты надеешься, Ян? Что на кадрах вдруг появится огонек походного костерка, палатка, клетчатый плед... и два деда со склоненными головами и сощуренными на огонь глазами?..

***

Отражение башни «Меркурий» застыло ржавым потёком на зелёных зеркалах солнечных очков Оникса. Парень нарочито аккуратно поставил чашку с кофе на стол. В следующий миг он уже подключился к Сети – так же стремительно, как делали это его прадед, дед и отец.

Кто-то должен написать финальное «end» в бесконечной цепочке взломов и погонь, верно?

И, троян дери, убедиться, что дед Кир и дед Саша погибли не зря, а прихватили с собой как минимум ублюдка Повидайко, а как максимум – всех, кто припёрся вместе с ним.

Сарафанное радио жёлтой прессы разродилось короткой заметкой на тему «Взрыв бытового газа в частном жилом доме под Воронежем», а дальнейшее молчание означало только одно: кто-то заставил журналистов замять тему. И ещё одно: не сегодня – завтра тот, кто заткнул репортёров, наверняка примется за Дэна, Катьку и его с братом.

Так некстати в памяти Оникса всплыла фраза, слышанная давным-давно в тесном кругу полупьяных друзей, решивших поразвлечься игрой «на откровение». Когда пришла его очередь задавать вопрос, хакер выбрал в жертву Акиру, новичка в классе, молчаливого кареглазого паренька, вечно сидевшего на пятой парте в левом ряду.

«Главное, чему научили тебя родители?»

К тому времени, кажется, ни одно тело уже не было в состоянии нырнуть в какую бы то ни было философию... кроме Акиры и Оникса.

«Отец. Он научил всегда давать сдачи, если меня ударили. А лучше – бить первым».

И сегодня, кажется, боги Сети сами указывают Ониксу вектор, подсвечивая ярко-алым перевёрнутую пирамиду с высоченной башней наверху. Обитель Дракона, сервер Департамента безопасности, из недр которого Овердрайв дорогой ценой вырвал Истину, а потом выучил своих потомков стрелой уходить с башни вниз, чтобы взлететь ещё выше.

«И вот скажи, куда ещё вас бить?»⁹

Тёмная громада нависла над хакером, и дышать под ней стало невыносимо тяжело, хотя воздух транскода по-прежнему пах озоном и вечным апрелем. Ещё минута – и монолитные шестерёнки Системы раздавят тощую птицу, выбьют из неё тягу к полёту и сломают компас, нацеленный на свободу. Н-ну, Оникс, и на каком коне будем выезжать против сотни программистов экстра-класса? Как почуять, в каком секторе чёртовой башни хранятся многотомные досье на твоё семейство со времён Очаковских и покоренья Крыма? Как попасть внутрь и каким скальпелем вырезать оттуда архивы?.. Одной жаждой справедливости тут не обойтись, даже если на максимум поднял в себе высокое мышление: «Лучше вечное забвение для имён Валько и Заневского, чем клевета и позор... из-за меня».

– Не-ет, не так, – одними губами прошептал Оникс.

«Клевета, позор...» Оставь болтовню о высоком для заседаний литературного форума. Всё будет проще, гораздо проще и страшнее. Они станут бить отца по рёбрам до тех пор, пока не сломают – либо кости, либо волю, первое – вероятнее. А потом начнут насиловать маму у него на глазах, повторяя как заведённые: «Подпишешь показания на детей – отпустим».

---

⁹ венок сонетов «Долгая ночь», магистрал С. Калугин

И плевать, что, быть может, это всего лишь игра разума, распалённого парой научно-популярных книг Насти Ветер про быт и нравы слаборазвитых цивилизаций. Больное воображение астеника-визуала отзывается на раз, и тонкие ледяные пальцы сжимаются в кулак.

Ты носишь зеркальные очки не потому, что прячешься от чужих взглядов, хакер. Ты боишься разнести на атомы то, на чём остановится твой взгляд. Особенно если он полон ледяной, смертельной ненависти. Как сейчас.

Оникс пристально шурится на верхушку башни, а потом закрывает глаза и слушает шум воды. За его спиной встает волна высотой в сто этажей, и рыжее закатное солнце с трудом пробивается сквозь текучую нефритовую стену. Вопреки и так немногочисленным законам физики транскода воды Реки образуют гигантскую арку, обдавая с небес здание Департамента. В соседнем квартале истошно воют сирены, а тихий голос отца укоряюще вещает что-то про геростратову славу, а потом внезапно выдает залихватское «Так не доставайся ж ты никому»¹⁰.

Вода заполняет башню Департамента до отказа, и Оникс трижды прищёлкивает пальцами, заставляя её покрыться ломкой ледяной корочкой, а потом промёрзнуть до самой сердцевины. С натужным скрежетом, будто ржавый танкер в доке, пирамида приземляется на площадку и медленно кренится набок. Монолитные стены башни сплошь покрыты мелкими трещинками, словно кожа стареющей звезды экрана, чья слава давно осталась в прошлом.

А потом, наверное, день на третий,
Заалееет небо ударом плети,
Слишком поздно ты, наконец, заметишь,
Что у бури – мое лицо.¹¹

Оникс ловит ртом капли замерзающей речной воды и смеётся, захлёбываясь тихим стоном, царапая ногтями кожу меж ключиц. Хакер и рад бы остановиться, но уже не может. Накануне отлёта в никуда сама Река-под-рекой даёт ему вольную.

***

Фотографии внезапно оказались совсем не фотографиями. Пять минут ожидания – и с еще теплой внешней карты Андре кидает Яну во внутреннюю память файл воспоминаний. Амир Вегард оказался заядлым кинестетиком и аудиалом, а вот с визуальной частью у него было туго. И он все-таки приземлился у развороченного остова дома.

Пепел. Гарь. Черная сажа, как стекловата, скрипящая на пальцах пилота. Шорох деревьев, которые слышали крики подорванных. Ян кусает губы, но Амир, уже поймавший волну, беспощаден – он обходит квадрат восемь на восемь метров по периметру, против солнцезорота, как неверный язычник собственное капище. Где-то за изломанными яблонями в небо бьет прожектор флаера, роняя на сгоревшую жизнь призрачные голубые искры света. Груда обломков. Приехать, раскидать, докопаться до истины... И лишить себя надежды? Ну уж нет. Лучше мстить.

И Вегард, словно тоже надеясь на лучшее, сворачивает в сторону от останков дома, к почти целому гаражу. Третий аэроцикл стоит там, с помятым крылом.

Ян с тихим всхлипом ударил кулаком по стойке. Чужая боль камертоном отозвалась за ключицами, перебивая собственную, как настоящая скрипка легко гасит скрип ногтей по стеклу.

Оникс.

---

¹⁰ А. Н. Островский – Бесприданница

¹¹ Graurock – Tibi et igni

Подожди меня.
Я успею...

***

Перевернутая пирамида Департамента Безопасности трещала по швам. Давно уже стали ледяными торосами файлы с пометками «Вебер», «Рыков», «Валько» и «Заневский», давно уже прошёлся по ним ледокол имени Оникса, а конца-краю его одержимости не было. Всё потому, что погибающая башня плясала перед хакером танец семи покрывал, одну за другой обнажая кривые, гнилые зубы своих тайн, на первый взгляд не имеющих отношения ни к одной из «блистательных» фамилий. Ну какое тебе дело до экономии на школьных завтраках в тот год, когда береговую линию Байкала закрыли почти наполовину, чтобы там, как грибы после дождя, повывезли частные особняки? Не всё ли равно, сколько человек погибло на автобусной остановке, когда в неё вписался премьерский сынок на золочёном «Гелендвагене»? Скольким онкобольным давали прессованную в таблетки соду вместо сильнодействующих анальгетиков, а потом втридорога продавали эти самые таблетки их родственникам? А всё, троян дери, почему? «Самоокупа-а-аемость». Директива выше. Спасение утопающих, помнится, дело рук самих утопающих. Попробуйте теперь спасти себя, мрази. Сейчас вы закованы в лёд, жалкие и беспомощные на виду у всех, но я не всемогущ. Быть может, я скоро умру, и лёд обратится в воду. Но на площади вас уже поджидает толпа, и её яростный рёв я ощущаю немеющей спиной...

Лишь немного губы дрожат в оскале..
Не дыши! Ни звука! Смотри, я – Кали.
Я танцую, небо обняв руками.
Каждый мой поцелуй для него – ожог.
И обуглены звезды, и гуще тени..
Не кричи. Не бойся. Смотри, я – Феникс.
Где-то там – ты слышишь? – с гремящим «Veni»
Просыпается новый Бог.¹²

Собственно, ориентиров на тему «где мне искать дорогого брата-хакера» у взъерошенного Яна было хоть отбавляй. Говорим «Оникс» – видим лёд – мчимся туда. Да еще и слышим какую-то мантру-заклинание, чтоб от башни Департамента даже маленького осколка не осталось. Что ты твори-ишь, О-оникс...

Внутри Яна бушевало такое пламя, что хватило бы отогреть полтранскода, только фигушки вам, а не моего огня. Пушочек из белого меха и оскаленных клыков кубарем вывалился рядом с раскатанным в ноль Ониксом, белым с легкой зеленцой и тонкой красной линией, прочерченной от носа к вороту серебристого плаща. Нет, рядом с этим едва хрипящим полутрупом стоит повременить с известиями о воронежском пепелище... Хотя какие это новости, если даже в газетах написали про «взрыв бытового газа», забыв сказать, что с «газом» поработал спецназ? Ведь главная новость – оставшийся на месте аэроцикл. И не более того.

На дне пропасти шумит море транскодеров, гневом своим не подогревающих, нет, – замораживающих башню ещё сильнее. Проблема простая – отключить тебя от Сети, хакер, и сойти с ума, ища по всей Москве твое физическое воплощение с нехилой аритмией, или попытаться вытащить Здесь и Сейчас?

– Обними меня, Ян... – тонкие пальцы скользнули по плечу брата. – Мёрзну...

---

¹² Graurock – Tibi et igni

Обнять – легко. Согреть. Ян осторожно прижал к груди хрупкого Ангела Льда. В транскоде реально все? Ну так вот, смотри, из ямки у основания шеи вырывается золотая лента, осторожно ложится на узкие, почти детские плечи и забирается через серебро плаща под лопатки. В ней все светлое, доброе, вечное, что я могу выжать из себя сейчас: прыжки с тарзанки на реке Девица, гонки на снегоходах по ладожскому льду, покоренные высоты меловых гор... Смех. Твой счастливый смех, хакер, слышишь?

Только не думай, что чудес больше не будет.

Дыши.

Теплеет прижатая к шее скула, но Ян, даже чувствуя дрожь башни под разодранным коленом, не останавливается. Это в реальности все сложно, а здесь... Горячая ладонь замирает над грудью хакера, и через секунду ныряет под птичьи ребра, заставляя Оникса испуганно распахнуть глаза.

– Как ты... Это... Делаешь... Ян?

Чувства не подводят, даже мысль о том, что мы лишь комбинация нулей и единиц, не в силах заглушить невозможное чужое тепло с тонкими иголками электрического разряда, которое уже не «над», а «в». Звонко ломается корка льда на замерзшем хакерском сердце. Унимается рваный счет пульса «три-два-два».

Ян тяжело выдохнул, на остатках заряда выбивая из Реки-под-рекой истину.

– Повидайко?

Кивок – это слишком бездоказательно, правда, Ян? Тем более, что добрую сотню раз ты уже заводил на Ладоге этот разговор, выясняя детали истории со Светкой. А рассказывать что-то совсем нет сил. На визуализацию я грохну все ресурсы – полное отсутствие логики, но... Посмотри, Огонь, на то, что увидел Лед.

Короткий фрагмент видеозаписи гугл-глаза одного из спецназовцев, штурмующих домик на Ладоге, был пришит к делу Заневского Кирилла, настоящему айсбергу с подводной частью совершенно неприличных размеров, в котором основную часть составляли подозрения и следы фирменного стиля в вещах недоказанных. За пять секунд и десятка метров до сгорбившихся яблонь – инструктаж. Слова читаются по губам: «Брать живыми», – а произносит их дородный мужик в обтягивающем пиджаке и трещащих по швам брюках. Даже спецназовец отмечает, что без своей формы ему неуютно, и сразу же прикидывает к выпученным рачьим глазам, не потерявшим своего начальственного огонька, синий китель. Повидайко. Прокурор первопрестольной и сорока сороков церквей.

Оникса несет дальше, мелькают выбитая дверь и осколки разбитого стекла, пара секунд замешательства, поиск цели... А потом взрыв, огонь, огонь, огонь, едкий дым и адская боль в спине, которую не спасла экипировка, и нет этой боли ни конца, ни края.

– Ясно.

Ни о чем не думай, брат.

Ян сжал хрупкое птичье запястье. Из меня плохой хакер, Оникс, да и кодить я могу на «ура» только когда Сатурн в созвездии Весов. Но зато я умею возвращать долги.

Глава 5

Женя не спала всю ночь накануне маминого дня рождения. Удобная обычно кровать стала истинным «прокрустовым ложем», подушка превратилась в наковальню, а внутри головы молот обрабатывал раскаленный металл мысли: «Как я им скажу, что улетаю?» Реакция предсказуема, все по накатанной, каждый раз в тех же декорациях и с теми же актерами. Мама хватается за сердце и закатывает глаза, бежит демонстративно к аптечке пить сердечное. Хватит уже притворяться – сердечники не могут бегать, когда им плохо. Сама видела. Сестра Сашка ржет в голос и пучит глаза, кривляется, повторяет Женины слова, как механический попугай. Отец шипит, как проколота шина: «Сволочь, до могилы мать доведешь своими выходками».

Сколько раз Женя уже все это видела, слушала, проживала? Лица родных отпечатались негативами на сетчатке. Опустит веки – и вот они, никуда не уходят. Всегда с тобой твой персональный зоопарк. Подними веки – звенит напоминка на телефоне, мамин день рождения уже наступил, и тебе пора готовиться к очередной битве за право быть собой.

Когда отзвучали поздравления, все букеты были подарены, а пробка шампанского взлетела до потолка, Женя собралась с духом, встала и выдала все как есть. Ну разве что малость поменяв причинно-следственные связи.

– Мам, пап. Я прошла кастинг в шоу «Амальгама». На этой неделе ядерщик из основного состава уволился, и вместо него лечу я.

Вопреки ожиданиям, мать побелела как полотно и не тронулась с места. Зато бешеным быком взревел отец и шарахнул кулаком по столу.

– Сдурела совсем? Больше опозориться, что ли, негде? И нас заодно опозорить... Никуда ты не полетишь! Здесь останешься...

– Олег, тише... ну что ты? – подключилась мама. – Женечка, тебе это не надо... Весь этот шоу-бизнес на деньгах да на разврате построен. Они ж там заставят тебя позабыть про всех, кого ты любишь, а кто же за нами будет ухаживать, если не ты?

– Да, кому ты нужна там, в космосе? – Сашка подпустила яду в и без того полную эмоций чашу. – И без тебя там хорошо, а предки не вечные. Эгоистка...

– Сами вы эгоисты, – Женя встала из-за стола и молча вышла из комнаты.

Сашка так и застыла с открытым ртом и грибочком на вилке, отец проводил мрачным взглядом, а мать побежала следом с причитаниями:

– Женечка, да как же ты? Да мы же самое лучшее для тебя... отдавали всегда. Да любим же... Правда улетишь? Оставайся, доченька. Как же мы без тебя...

Женя неслась по коридору к двери на всех парах. Не оборачивайся, иначе в сердце развернется алым полотнищем жалость, застит глаза, развернет на 180 градусов. Не на этот раз. Прости, мама... На понимание не рассчитываю. А прощение мне ваше не нужно, я сама себя простила и отпустила.

***

Из меня очень плохой хакер, брат. И Сатурн сейчас, если верить Сети, в изгнании Рака.

Ян откинулся в кресле, легко оттолкнулся кончиками пальцев от стеклянной столешницы и сделал полный оборот своей оси. Ритуал на удачу. Хотя, конечно, элемент везения и благоволения богов Сети никто не отменял, достигнутым результатом Ян ни с кем делиться не собирался. Шутка ли – в последнюю неделю свободной жизни, перед отъездом в космогородок, взять да охмурить Светку Повидайко.

Ян мысленно прокрутил умершие только что на стрелках наручных часов сутки онлайн. Сначала пришлось вытащить тушку вырубившегося Оникса с крыши башни «Эволюция» –

и как только места такие находит, птичья душа, сгрузить в квартирке на набережной Тараса Шевченко и за миг до щелчка дверного замка услышать тихое и благодарное «пиу». Есть контакт, полет нормальный. И вот тут самое время вознести хвалу родителям, вдруг озаботившимся покупкой двух однушек на одной лестничной площадке. Все меньше всяких там домыслов, а то и правда, два архетипа на одной жилплощади – это слишком: вылитый Дэн-Кирька, тощий и высокий Оникс с темной копной волос а-ля «ласточкино гнездо», и ушедший в род Валько Ян, вольфрамовая макушка да крепко сбитое тело.

Кстати, именно тело внезапно стало главным козырем в борьбе за Светкину душу. Бесовестно сворованная личная переписка Оникса и этой девушки была изучена до корки за пару часов, но если б там был хоть намек на любовь-ухаживания-желание... Лыдинка-Оникс. И как эта дама вообще умудрилась тест подделать – в смысле, а был ли повод подделывать? И еще одна мысль. Ян смущенно хмыкнул, пролистывая собственный очень откровенный чат со Светкой. Может, брат так мало дал девушке, что пара телефонных фоток перед зеркалом в самых брутальных позах, которые только мог придумать Ян – а фантазии в этом вопросе у него всегда было хоть отбавляй, – подорвали Светлану Повидайко встретиться с загадочным мачо прямо этим вечером, не откладывая? Хотя нет, тут скорее «любовь ушами»... Очень многообещающие рассказы, о том КАК это будет, как тихий стон сорвется с этих размалеванных губ, как горячие руки сетевого персонажа по имени «АниЯн» разожгут пожар страсти... Тьфу. Ерунда какая.

Желания действительно сделать что-нибудь этакое в Яне как не было, так и не возникло по сию пору. Аппетит, конечно, приходит во время еды, Светка – девушка сочная, не птичьей породы, но и мозги у нее на месте. Местами. И тем интересней игра, в которой программа минимум – отучить девку рисовать где попало и что попало, а программа максимум – инфаркт с летальным исходом у ее папаши.

Косой взгляд в зеркало подтвердил, что выбор одежды для жаркого августовского вечера – беспроектный. Бежевые брюки (никакой джинсы, боже упаси), белая рубашка с вырезом «по умолчанию» – нарочно оторванные верхние пуговицы, дабы ни у кого не получилось создать пай-кодера, легкая небрежность в чуть влажных золотистых волосах... «Не смотри мне в глаза, так будет намного хуже¹³». И на черную полоску кожаного пояса тоже не надо.

Осквернять Сити таким свиданием Ян не стал, хотя было там любимое место для встреч с яркими и свободными, как ветер, девчонками, коих в его жизни счет уже шел на второй десяток. Они вспыхивали возле огромной тумбы вентиляции, рождавшей теплое торнадо в продуваемой всеми ветрами чаще небоскребов, и гасли, исчезая навсегда. Он не держал, а они словно читали в легкой морщинке меж русских бровей: «Одна ночь и обет безбрачия». Поэтому прокатный флаер взвился в воздух с крыши дома на Тараса Шевченко и взял курс на Красногорск. Прокурор Москвы, однако, предпочел шумному центру спальный район, а пентхаусу – десятый этаж обычной московской высотки. Этаж Ян выяснил специально: такая романтика – пристроиться бортом алого флаера к треугольному балкончику и дожидаться, пока прекрасная фея прыгнет на заднее сиденье...

Светка прыгнула. Светка прыгнула так, что Ян едва не слетел в десятиэтажную пропасть под флаером согласно второму закону Ньютона. Масса у прекрасной Светланы была немаленькая... Что уж там было – кость широкая или силикона много, Яна интересовало мало. С трудом выровняв машину, он выжал газ, отпуская флаер в крутое пике с ориентиром на северо-запад. Светке все равно куда лететь, если можно в процессе лезть руками за пояс к горячему парню, а Ян знал цель и так. Пятьдесят километров. Истринские леса. И всего полчаса этой попытки от нежеланной, если разогнать движок до сотни.

¹³ Graurock «Я – твой вечный Бельтайн»

Входящее. Настя Ветер. «Общая рассылка, ребята. Ответы на тесты к экзамену по теории цивилизаций. Тест составляла тоже я, так что поблажек не будет, хоть эту короткую выжимку прочтите». Ян мысленной командой отправил увесистый файл во внутреннюю память имплантов, сделав себе зарубку – прочитать на обратном пути. Внутренний правильный человечиска уже давно валялся с приступом истерии, разум переключился в режим «больше эффективно – меньше следов», а оставшиеся на плаву нейроны размашисто опускали рубильники гнева, ненависти, сексуального влечения и всякой ерунды типа совести. Нафиг-нафиг. Ян передернулся, крепче вцепившись в руль. О чем спич? Повидайко прекрасно понимал, что спецназ – это перегнутая палка за обиженную дочку. Или не понимал, дорвавшись до вседозволенности? Его самого бы грохнуть за дедов... Только что-то внутри дрожит так противненько и не хочет превращаться в зверя.

Не хочет – заставим.

Не умеет – научим.

Флаер сорвался со своей нейтрали на высоте пятидесяти метров и оставил закатное пламя верхушкам развесистых елей. Здесь, в глухом тоннеле зарастающей просеки ему не было места. Навигатор пискнул об уходе с маршрута, но право, Светка, не все ли равно нам, под какой из этих елей ты останешься. Парктроник, созданный для городского месива, едва не сошел с ума, но ухватился за внезапный просвет в молодом подлеске. Жухлая трава, небольшая ложбинка. «Можно маслят поискать», – машинально отметил про себя Ян-нижнедевицкий-абориген, плавно разворачивая машину над импровизированной посадочной площадкой. Пара секунд. Заглушены двигатели.

– Август всегда, потому – последний, август любому, всем, – выдавал, как наговор, парень, хватая девушку за руку и вытаскивая из флаера. – В августе вечном отыщут по следу нас на песчаной косе¹⁴...

А теперь – в лес. На буксире тянуть городскую кралю, которая и елок-то кроме новогодней, в кадке со светодиодами на концах иголок, наверняка не видела.

– Там, за волнами нечёткий абрис: в сердце Вселенной – огромный август¹⁵.

Темнота хлынула меж деревьев внезапно и ударила Яну в грудь, заставляя немного прийти в себя. Да, ночь, ты права. Хватит играть в волков, носящихся по снегу под глазом полной луны.

– Непроходящий свет, – добил строфу любимого стихотворения Ян и с разворота отбросил Светку на первую попавшуюся ель.

Короткий вскрик девушки, совсем не ожидавшей такого резкого перехода от стихов к наматыванию на кулак в буквальном смысле, слился с щелчком наручников. Не знаю, какие обычно у твоего отца на работе используются, Светка, но по мне сойдут и эти. Ян прижал извивающееся тело к колкой смеси рассыпавшихся шишек, желтых иголок и сухого песка. Мысль о том, какая прекрасная мишень сейчас – парус его белой рубашки в чаще леса, канула в небытие под странную смесь признаний в любви, робких криков о помощи и недвусмысленных движений бедер. Сама не знаешь, чего хочешь, Светка? А что ты хотела от моего брата? Я как-то заглянул к нему под кровать – неслабый такой арсенал для того, кто боится выходить на полный физический контакт. Только это не про меня.

Крепкая ладонь зажала девушке рот, а вот горячий срывающийся шепот в растрепанные локоны полнился совсем не коричной сладостью:

– Ты знаешь, как зарастает пожарище, Све-е-ета? – в голосе парня слышалось отчетливое драконье шипенье. – Я тебе рас-скажу. Через век будут ели под самое небо. Лет через пятьдесят, когда ты уже будешь старая карга, – всякие там клены-дубы. Через двадцать, когда твои

¹⁴ Константин Потапов «Августу III»

¹⁵ Константин Потапов «Августу III»

детки скрутят тебе кармический фак и пошлют подальше, – береза с сосняком... А начнется все с сиреневого моря иван-чая... Но только следующим летом, понимаешь?

В глазах Светки промелькнул страх. Ян не мог за это поручиться – темнело стремительно, как в тренировочном шлюзе или в центрифуге от перегрузки, но тело, прижатое коленом к дну еловой реки, судорожно колыхнулось, дрожью отзываясь на каждое слово. О, неужели мне повезло, и ты знаешь о трагедии в домике под Воронежем?

– Мне бы убить тебя... – выплюнул яд мечты Заневский, – да есть вещи поинтересней. И можешь сопротивляться сколько хочешь.

Выдернуть из поясных петель ремень – вопрос сноровки и секунд по счету. Светка – девушка не промах, но пощечина пахнет игрой... Ян вздохнул. Ничего ты не поняла, Светка. Это только в средневековье да в дешевых романах отыметь дочь своего гонителя – прекрасно и увлекательно. А мне противно до тошноты. Ремень черной змеей скользнул под цепочку наручников, и уже без особых задержек затянулся на соседней елке.

Ян критически осмотрел результат своей работы. Растрепанная Светка, притянутая за руки к шершавой коре, поднимала свободными ногами демонову тучу сухой лесной тины, а смолистый, пронзительно свежий воздух полнился отборным матом, мольбами о помощи и проклятиями. Все было настолько бессвязным, что и ниточку дешевых бус смысла не собрать.

Скукоженная от невесты откуда взявшегося арктического холода хакерская составляющая Яна вдруг подняла голову и тихо пискнула короткое: «Импланты». Мда, это мы упустили. Надо было взять глушилку, а впрочем... Сильные мужские руки перехватили беснующую нимфу за шею, с упором прямо на сонную или яремную, не важно. Только пульс под пальцем шкалит, как сумасшедший, а девчонка уже задыхается и, слава богам, не додумывается послать папочке сигнал «спасите мою душу или хотя бы задницу».

Ян откинул в сторону выбеленные химией пряди, в темноте чуть ли не фосфоресцирующие, как у водяницы. Порты имплантов шли по светлой коже рубцом языческой руны.

– Ныряй, Светка, – выдохнул Ян, окончательно срываясь с нейтрالي. Да и какая тут, к чертям, нейтраль, если он больше никогда не увидит синих глаз деда Саши, никогда не прижмется щекой к теплему пледу на плече деда Кира, и никто, ни-кто, не поправит прицел у самодельного лука...

И только ошметки татарских стрел...

Ломкая прошлогодняя хвоя вместе с трухой и какими-то безымянными жучками заполнила порты имплантов под истошный вопль хозяйки.

А один из тех, кому пришлось взорвать себя, даже кричать не мог, представляешь?

Глубже. Еще. Давай же, Светлана Повидайко, нырни хорошенько, до крови из носа, до судороги в левой руке, чтоб уж наверняка остаться здесь надолго. И искать тебя будет папа целую вечность, по старинке. С собаками и факелами.

Может, и найдет.

Ян встал и отошел на пару шагов. Потом вернулся, вспомнив что-то, обыскал глухо стоящую девушку на предмет смартфона, но ничего не нашел. Современная молодежь предпочитала вживлять в глаза камеры и прокачивать импланты.

– Х-х-то-о... ты-ы...

Не боюсь тебя, ехидна.

– Янис Заневский.

Мысль о том, что содеянное дальше будет уже перебором, напоролась в комнате сознания на демонический смех темной половины. Эффектный жест был заготовлен заранее, зачем добру пропадать?

Пять минут легкой формы топологического кретинизма. Выброшенный в кусты ключ от наручников. Поднятый в небо флаер. Ах да, экзамен по теории цивилизации... Ничего не запомню, но хоть что-то.

А в Истринском лесу по щекам связанной Светки Повидайко бегут крупные соленые капли. Бегут вниз, по шее, промывая белые дорожки в лесной грязи. Бегут к роскошной груди третьего размера, на которой могильным камнем покоится тест на беременность с двойной сплошной.

И красный маркер.

***

– Сегодня у нас единый гуманитарно-технический экзамен, – Настя Ветер, чуть ли не насильно упакованная стилистами в чёрную юбку-карандаш, заметалась взглядом по лицам ребят, и Мишка Пурга, штатный оператор шоу «Амальгама», махнул свободной рукой себе за плечо, намекая историку, куда смотреть, чтоб выглядело красиво и в меру эпично.

Настю в кадре сменил Лев Мессер, назвать которого товарищем у Пурги язык не поворачивался, господином было бы уже слишком, а профессором не позволяло (кто бы мог подумать!) отсутствие профессорской степени у статного седовласого мужчины с крючковатым носом, пронизательным взглядом и ледяным спокойствием памятника самому себе. Хотя на камеру Мессера всё равно величали профессором, уж больно типаж соответствовал.

– Когда-то давно, в начале двадцать первого века («Как щас помню», – хотелось добавить в кадр оператору), научное сообщество восставало против повального увлечения тестами, – Мессер начал издавека, словно у него в запасе был целый академический час, – мол, тесты измеряют память на обрывочные факты и только, а вся сила и красота мышления студентов остаётся за бортом, и до неё приёмной комиссии дела нет. Но сегодня, в эру безусловной власти информации, мы можем смело утверждать лишь одно...

Мессер сделал паузу, позволяя оператору пробежаться по сосредоточенным лицам ребят – так снимают породистых коней, готовых сорваться в галоп, едва услышав выстрел стартового пистолета – и одним махом окончил свою пламенную речь:

– Объём наших знаний о мире поистине неподъёмен, но не стоит стремиться объять необъятное, заточив его в глубинах своей памяти. Умение быстро ориентироваться в потоках данных – вот что ценно. И сегодня наши будущие космонавты покажут вам, что такое... Скорость и глубина одновременно!

Обратный отсчет.

Десять... Девять... Восемь...

Как быть готовым к любым вопросам?

Семь... Шесть... Пять...

Страшно – не думать, не страшно не знать.

Четыре секунды, три, и две.

Ты – это то, что в твоей голове.

Реши, сколько сможешь, заданий за час.

Посмотрим, на что ты годишься.

Раз.

С еле слышным щелчком входит в импланты тонкая серебристая флэш-карта, набитая до отказа тем, что должен хотя бы приблизительно знать любой уважающий себя космонавт. Здесь и десятки, нет, сотни чертежей разных систем корабля, и длинный список команд на английском, основы авиации, курс оказания первой помощи, правила навигации и алгоритм выхода в открытый космос...

Край флэш-карты торчит наружу, в нем специальный модуль улавливает каждое движение мысли, подгоняемой щелчком кнута – успеть, успеть! – и бесстрастно оценивает скорость и точность поиска ответа.

Это твой вечный дедлайн. Уходят в небытие имена и лишние воспоминания, и пусть камера увидит лишь сосредоточенные лица команды реалити-шоу, фоном к которой потом послужат спецэффекты а-ля матрица и чудеса транскода. Отрисуют потом киношники шестнадцать Шерлоков-Холмсов с синими шарфами и каштановыми кудряшками, разобьют сисферу на сектора, и на каком-нибудь самом удачном экземпляре космонавтус-вульгарис покажут восьмидесяти килограммам безмыслия перед монитором истинную силу человеческого мозга...

В фон. Все в фон.

Запрос.

Ответ.

Синхронизация.

А на широких мониторах неровными скачками продвигаются с запада на восток шестнадцать разноцветных линий, видимых на самом краю обзора не только безликой массе телезрителей, на которых, по сути, уже стало плевать, но и своим же соратникам, коллегам... Друзьям или уже нет?..

Красиво стартанув, рвется вперед связист Ромка Костиков, но быстро выдыхается, и вот уже Андре Соньер галантно, почти извиняясь, обгоняет его.

«Вот опять я опоздал на поворот,

Подо мною конь чужой и конь не тот...»¹⁶

Растерявшийся Антон Хлебников стремится заползти в тёплые норы знакомых тем и там взять свое по максимуму. Дамир с упорством тарана добывает первый блок с общими вопросами.

«А всё могло бы быть совсем не так,
Если только сам себе не враг
И не нужно никому чужих саней,
Это был бы сон, волшебный сон,
Каждый был бы просто чемпион,
Если мог бы выбирать себе коней».¹⁷

Женя порхает от вопроса к вопросу, словно маленькая цветастая колибри, и Настя в волнении закусывает губу, но тревога ее быстро проходит, когда она понимает, что девушка-ядерщик сильна именно таким вот стремительным переключением между заданиями. Круче неё в этом, пожалуй, только Оникс.

Финишная десятиминутка – лучший повод вспыхнуть и выложиться до конца, если есть ещё чему гореть.

Настя призывает на помощь всех преподавательских богов, чтобы те помогли ей с максимально бесстрастным лицом объявить результаты.

– Третье место... Рита Лебедеванская.

Изящно вильнув бедром, словно встав на пресловутом перепутье «красавицы налево, умные направо», Рита поднимается с места.

– Второе... Тимофей Лапшин и Дмитрий Зосимов.

---

¹⁶ Машина Времени – Скачки

¹⁷ Машина Времени – Скачки

Уставшие, смущённые парни встают рядом с Ритой, но если на лице геолога – радость от победы, на которую он рассчитывал изначально, то Димка, привыкший не верить в собственные силы, мучительно гадает, какой из святых явил ему сие чудо.

– И первое место...

Честолюбивая надежда на лице Лосева. В повороте головы Дамира – уже чисто спортивный интерес. Почти отеческая радость – в глазах капитана, ибо та, которую он знал меньше остальных, сегодня доказала, что заслуживает уважения и доверия.

– Женя Симань!

Пушистое рыжее облако поднимается в воздух и моментально оказывается притянутым за руки в круг победителей. Ромка начинает аплодировать первым, и к нему присоединяются все. Или почти все.

Славка Порожняк прячет от вездесущих камер свою недовольную мину, ибо он был готов проиграть кому угодно, только не этой рыжей соплячке. Что ж, умняха, ежели сумма физического и умственного в человеке – величина постоянная, то я хочу видеть тебя на силовых тренажерах. И уж там-то готовься продуть со свистом, недоспециалист по фотонным двигателям.

Но последних – не называют. Они и так знают свое место. Ян выполз из кабинета замыкающим, строго по списку, отмахнувшись от сочувственного взгляда Насти. На камеры ему было и вовсе наплевать. Он не любил и не умел проигрывать, но когда ты изначально готов к поражению, финал принимается как должное. Это даже вошло в привычку – заранее готовиться к варианту «все плохо», но парадоксально делать все возможное, чтобы было на «отлично». Делай, что должно, и будь что будет...

Тесты – не его стихия. Ментальная скорость реакции – не его параметр. Дайте, пожалуйста, эскиз хитровыделанной штуковины, которую нужно сконструировать и воплотить в железе, – вы получите ее так быстро, как не ждали. Дайте задачку на пилотирование – вы поймаете и скорость, и глубину. Дайте задачу на автоматизацию – и я извращусь, вспомню все пять лет института и выдавлю из себя код, кривой, не по правилам, но он будет работать...

«Бросьте жертву в пасть Ваала! Киньте мученицу львам! Отомстит всевышний вам!»¹⁸ – шептал Ян, забиваясь в угол у панорамного остекления с видом на березы и космогородок. Пустая рекреация, кадки с пальмами, информационные щиты с белыми чайками объявлений. Вечные институтские коридоры, прямые, как проспекты. И посреди этого пространства в начале координат – инженер-исследователь Ян Заневский, спрятавший лицо в коленях, а для верности еще и соорудивший из сцепленных рук защитный кокон. И настроение такое, что то ли правда первенцем в Карфаген, то ли бежать в самоволку и курить кальян, то ли, наконец, сломать себя и перестать стремиться к чему-то там, где ты безнадежен. Ян криво ухмыльнулся темноте возле коленной чашечки. Я уже почти достиг этого. Я положил болт на все внешние достижения, запихнул в шкаф красный диплом программиста, перестал участвовать в любых соревнованиях, кроме полетов, да и то – в пределах клуба. Никаких открытых площадок, никаких олимпиад, никакой, боже упаси, кандидатской на работе. Мне осточертело что-то кому-то доказывать! Все, финиш. Я никто и звать меня никак. Инженер-исследователь, выдернутый из затертого НИИ, которому здесь приходится...

Выживать.

Доказывать.

Быть.

Без права на ошибку и вылет. И дело не в том, что страшно вернуться обратно, за этот березовый кордон. Там хорошо встретят, мать обнимет, отец поговорит вечером на кухне... На работе обрадуются – кто еще им будет так пахать за идею?

---

¹⁸ Лопе де Вега

Только Оникса здесь нельзя бросать одного. Слишком много волков на одну птицу. Рывком подняться, вынырнуть на свежий воздух и из гнилого болота в голову. Нет, оптимизм наигранный, это и ежику понятно. Только вот много раз Ян видел дома, как подрывался так дед Саша, плюя на собственную ущербность, и начинал хоть что-нибудь да делать для деда Кира, валявшегося под яблоней с очередным приступом мигрени-аритмии. Да черт подери, хоть свистульку сделает из ивовой ветки, – а старый хакер слабо улыбнется. А там, глядишь, и вечером в транскод нырнут, замерев у потухшего камина...

«Просто помни, что вряд ли у меня будет повод жить долго без тебя».

И этим все сказано.

Глава 6

– Добро пожаловать в чистилище... простите, в святилище космонавтов, – Мишка Пурга решительно шагнул к центрифуге, которая только что отработала свою программу и завершала последний медленный оборот по инерции. – Крутите барабан, господа, я ставлю всё на... кто у нас там? Без пяти минут кандидат биологических наук Антон Хлебников, после знакомства с которым вы уже никогда не забудете, как отличить тычинку от пестика...

Без пяти минут кандидат, впрочем, выполз из центрифуги с видом отнюдь не героическим, пошатнулся и упал на колени под прицелом Мишкиной камеры, обдав пол остатками «космического» завтрака. Мишка замешкался: чувство прекрасного в нём требовало немедленно прекратить съёмку, а чутьё стреляного папарацци намекало, что нельзя упускать такой до крайности жизненный кадр.

– Стоп! Переснимаем!! – грохнул из динамиков глас режиссёрский. – Приведите площадку в порядок. Капитан Орлов, запустите центрифугу ещё раз с кем-то более... выносливым. На тридцать секунд будет достаточно. Переделаем только сцену выхода.

Пока юркий клининговый робот подчищал следы конфуза, Орлов пытался высмотреть в зале атлетическую фигуру Дамира, но потом вспомнил, что парня с утра мучают попытками отснять лавстори с Ритой. Ха, да проще два магнита соединить одноимёнными полюсами, хотя чем чёрт не...

– Слава, вперёд.

Давай, карго Порожняк, я же вижу, как ты, заваливший намеренно добрую половину интеллектуальных тестов, рвёшься хоть в чём-то показать свою удаль. А пока оператор вновь разливается соловьём про чистилище, радуясь удачному каламбуру, можно выиграть несколько жалких минут на жизнь без карнавальной маски...

– Антон, можно тебя на пару слов?

Биолог с видом побитого пса предстал пред очи капитана. Да, он опозорился сам и опозорил команду. Что, если режиссёр всё-таки решит пикантности ради оставить сцену с его, Хлебникова, участием?

– Приношу извинения, товарищ Орлов, – слова биолога отдавали едва заметной кислой горечью, – я ведь по-настоящему хотел тренироваться, не для камеры. Мы же... полетим, верно?

– А я не распекать тебя выцепил, Тоха, – доверительно сообщил ему на ухо Орлов. – Но впредь давай так. Днём, на съёмках, делаем всё на от... цепись. Вечером, без посторонних – работаем по-настоящему. Будет сложно, но других вариантов нет. Мне тут и так уже сказали, что я, мол, сам чересчур заигрался и актёров почём зря мучаю. Как только киношники свалят – объявляю общий сбор команды, нужно обсудить всё это. Надеюсь, ребята поймут меня правильно.

***

Вечером в павильоне было уже пустовато. Киношная братия порядком подрассосалась по домам, оставив на площадке только один мягкий желтый софит да хромакей со стулом перед ним. В тени сидел режиссер, обмахиваясь газеткой. Орлов посматривал на него изредка, зная, что заполученный сейчас в руки планшет ему никто не даст даже на ночь. А тут информация настолько специфическая, что надо кровь из носа, а если не стащить все это, то хоть запомнить по максимуму.

– Где вы все это нарыли? – тихий вопрос Орлова рикошетит от бока «Харона» и улетает куда-то в темноту под потолок ангара.

Режиссер только тихо смеется и качает головой. Ну да, ответ очевиден. Кто-то бы назвал это все «историями героев», но часть фактов Орлов знал про свою команду из закрытых листов досье, а вот все остальное... Спецслужбы, не иначе.

Подноготная. Грязь по колено. Старые скелеты, играющие в покер на взведенных нервах. Страшное оружие, которое превратит самую фальшивую ноту игры в чистую и звонкую трель «ти триол» настоящей злости, радости, гнева и ужаса.

Ветер Анастасия. Детдом. Шрам через всю спину.

Заневский Оникс. Кличка – Инь. Хакер. Плохая наследственность. Пра-пра-пра... [рябит в глазах] ...внук Кристиана Вебера.

Заневский Янис. Слишком частые контакты со сторонниками оппозиции. Волчья лапа на ауре.

Зосимов. Изгнание из семинарии, за то, что доказывал невозможность непорочного зачатия.

Костиков. Трансляция зарубежной музыки на рабочих частотах дорожной полиции. Условный срок.

Лебедевская Маргарита. Проведение нелегальных аборт, продажа полученного физиологического материала в центры косметологии.

Лисов. Авария. Пост-травматическое стрессовое расстройство.

Мессер. Смерть подопытного в лаборатории. Странное стечение обстоятельств.

Орлов быстро перелистал импровизированный «Молот ведьм» до своей фамилии, перебирая в голове все свои грехи. Нет, слава богу, до главного киношники в его жизни не добрались, а сам он это не расскажет им и под пытками.

Ниже мелькают еще фамилии, взгляд успевает выцепить строчку: «*Рамазанов Дамир, какая-то девушка из высокогорного аула и кунаки другого влюбленного джигита, летящие в пропасть*», – а на площадку уже идет Андре Соньер в своей вечной черной летной форме с серебряными застежками на груди. Show must go on¹⁹.

Повинуясь приглашению режиссёрской руки, Соньер угнездился на стуле. На фоне цвета майской травы он больше напоминал эльфа, что рисуют обычно в честь Бельтайна. Эльфа, который сейчас попал в лапы киношников и должен выдать этим спецам и танец на отлично, и золотые шпоры, и рубашку разодрать на тощей груди. Орлов отвел взгляд. Его, капитана, жалели. Да, черт побери, жалели, не ставили вот так лицом к лицу с объективом, не втягивали в дразги, отрываясь на остальных доверчивых душах. И вот Соньер первый.

– Знаете, у нас бывают такие вставки в ходе серии, – осторожно начал режиссер, не показывая, впрочем, лица на свет. – Там актеры говорят о своих мечтах... Ну, в рамках сценария, конечно. Немного рассказывают о себе. Вы читали сценарий?

Соньер кивнул. Своим пилотским чутьем определив, где находится капитан, он старался смотреть теперь только туда, благо, что это было чуть в сторону от камеры.

– Вы готовы это сказать?

– Готов, – пожал плечами Андре. – Спрашивайте. Я про всё подряд залпом, как ваш Пурга, не умею.

Тихое «мотор идет» как напоминание о реальности или скорее иллюзорности происходящего. Орлов сжался в кресле. Да, это даже хуже, чем первый ряд перед экраном.

– Тогда расскажите о себе.

Соньер ещё раз пожал плечами, коротко вдохнул, дернул уголок рта и выдал на автопилоте:

---

¹⁹ Queen – Show must go on

– Все зовут меня как им угодно, я называю себя Стрижом. В десять лет поступил в лётную школу-интернат, в семнадцать досрочно получил права управления фляером. На этом, как видите, не остановился.

– Почему вы расстались с вашей первой девушкой?

Вопрос был задан режиссером слишком быстро. Орлов заметил, как пилот, потеряв из-под ног и почву, и подъемную силу крыла, растерянно смотрит в объектив, а оператор потирает сухие ладони, и звук от этого противный, как от пенопласта по стеклу. А сам Андре мучительно пытается справиться с судорогой в плече, потому что следующую фразу он должен произнести с этакой фамильярной вальяжностью, а напряжённые плечи этому никак не способствуют. И получается уже не легкомысленно, а почти трагично:

– Потому что мы с ней не сошлись... в постели.

– Что вас не устроило в ней?

– Видите ли, – пушистые ресницы пилота задрожали, и Орлов, для которого по сию пору оставалось загадкой, была ли девушка-то, сочувственно подался вперёд, ещё секунда – и он тронет зарвавшегося режиссёра за плечо, но Соньер вдруг переплавил нерешительность в злость на самого себя, а злость – в невыносимо долгий убийственный взгляд, от которого дрогнули руки оператора, и на миг смазалась картинка в видоискателе камеры. – Это я её не устроил.

– А кто бы в проекте устроил вас, Андре?

Две бездны тёмного пламени прожигают линзы кинокамеры, выбивают пиксели на светочувствительной матрице, а в эфире – молчание, молчание, молчание...

– Не могу.

Тишина. И снова шепот «мотор идет». Утекают деньги сквозь пальцы. Деньги здесь всё – затраченное электричество, напряг в мышцах оператора, гигабайты памяти на полнящейся флэш-карте и, конечно, время режиссера.

– Говорите, Соньер. Вы же подписали часть сценария, касающуюся вас. Мы и так дали вам поблажку – самому выбрать того, кто... м-м... понравится. Или тогда, быть может, вам будет легче на камеру рассказать одну историю из вашего прошлого, Андре, – голос режиссера уже просто лунный мед, цветущая таволга, концентрация которой такая, что тошно и нечем дышать. – Мы в курсе, знаете ли... Странная семья, домик около Лиона, розовый сад, любимый кнут в руках отца...

Ни один мускул на точёном лице пилота не дрогнул, но его пальцы впились в подлокотники с такой силой, словно под ними был не мягкий поролон, обитый кожей, а потная, пульсирующая плоть режиссёрской шеи.

Орлов хватал ртом воздух, пытаясь, наконец, вдохнуть. Пальцы сами скользили по экрану планшета, добираясь до страницы французского пилота. Что там за дрянь, что за гадость они придумали про этого парня, хрустальную безотказную душу, главную жемчужину команды... Нет. Рука замерла. Орлов для верности даже глаза закрыл. Не хочу знать. Не-хо-чу. А перед глазами уже мелькают кадры будущей сенсационной серии, только жаль, поставят фоном какую-нибудь попсу, а надо бы эпичное «Lost Kingdom». Чтоб горело. Чтоб жгло напалмом.

– Я согласен сказать, кто мне мил, – Андре ударил в последнее слово что есть силы. – Но не могу это сделать. Выкручивайтесь, как хотите.

И режиссёр выкрутился. Режиссёр выкрутился так, что Орлов не выдержал и хрустнул костяшками пальцев, и никуда было не деть этот звук, ставший лучшим фоном для контрольного вопроса и короткого ответа.

– Предположим, вам снова пятнадцать, Соньер. И вам не хватает каких-то жалких трёхсот тысяч франков... на лечение матери. Так с кем бы из ребят. Вы. Согласились. Переспать. За эти деньги?!

В неравной борьбе с флэшбэками из собственного прошлого у пилота срывает к чертям хваленый самоконтроль, отточенный сначала присутствием вечно пьяного отца, которому достаточно любого повода, чтобы взорваться, потом – бесконечными тренировками в лётной школе: не знающий снисхождения учитель, коллективные облавы и жестокие насмешки одноклассников – за то, что не обманулся иллюзией их дружбы, за то, что посмел взлететь выше всех. Чёрная маслянистая вода ночных кошмаров прибывает в чертоги разума – как водится, из-под кровати, и сознание маленького, избитого, невыносимо беспомощного Андре отчаянно бьётся о стены черепной коробки; на мясистое лицо режиссёра накладывается сухой профиль врача, и обе маски расцветают улыбками, ибо получили желаемое, а мама будет, будет, будет жить...

Не выдержав, Андре закрывает глаза, и сбившегося дыхания ему хватает лишь на одно имя.

– Оникс.

И мысль, отрывистая как пистолетный выстрел, как удар отцовского кнута, добивает парня до спазма в груди, от которого его пополам ломает в кресле. Нет, если случится с Ониксом, если и вправду придется... Он не будет, не будет жестоким, он не сможет, он же такой же, наш...

Орлов рывком поднялся с кресла, стал лицом к камере, закрывая своего пилота от объектива и не обращая уже никакого внимания на режиссерские вопли.

Дыши, Соньер.

И прости... что все так.

– Раз уж вы маячите тут перед камерой, Орлов, – процедил режиссёр, глядя капитану прямо в глаза, – то, быть может, вам интересно будет знать, что на прошлой неделе по настоячивому требованию продюсерского центра мы добавили новое развлечение для телезрителей. Онлайн-голосование за того или иного персона... простите, члена команды. Вашей команды. И, коли уж мой планшет оказался в ваших руках, разверните приложение в левом углу. Можете даже скачать себе сегодняшнюю сводку, не стесняйтесь. Она вам пригодится, когда будете разговаривать с ребятами: сами увидите, кому из отстающих стоит намекнуть, чтоб побольше проявляли себя. А уж за сюжетами у нас не заржавеет.

Чувство собственного достоинства Орлова, порядком измочаленное за прошедший месяц в целом и за каких-то жалких полчаса в частности, из последних сил прохрипело:

– Зачем вам эта... фаллометрия, а?!

Режиссёр хищно усмехнулся куда-то в сторону.

– Помните, что делали в древности с гладиаторами, которые не удостоились поднятого вверх большого пальца цезаря?

«Выпендрился, индюк медийный. Ну и что, прикажешь мне лично расстреливать тех, кто не в фаворе у толпы?!»

– У нас, слава богу, не средние века, – доверительно подмигнул капитану режиссёр. – Но задумка такова, что ребята сами, на общем совете, должны будут выгнать тех, кого телезрители сочтут самым слабым звеном. Всё-таки у нас неосоциализм на дворе, мнение общества следует учитывать. Да, помнится, вы же сами недавно стих рассказывали: «Потеряешь сознание – выйдешь вон²⁰»? Что-то там дальше бы...

Звон в ушах накрыл Орлова девятым валом, внезапно и неотвратимо. Тошнотворная, бьющая по сетчатке зелень хромакея заполнила собой обзор, и, чудом сохраняя равновесие, уже почти не слыша самого себя, капитан глухо рыкнул:

– Сохр-ранит кинохроника старт р-ракеты... Что за кадром останется – отболит²¹... А тепер-рь пр-р-рочь...

---

²⁰ Анна Закревская «Шестнадцатый рассвет»

²¹ Анна Закревская «Шестнадцатый рассвет»

И только когда за свалившим в туман режиссёром хлопнула дверь, Орлов позволил себе упасть на колени и отключиться в надёжных руках Соньера.

***

«Программирование по Ониксу», последний зачёт, провалили все и с треском, удостоив парня звания «незаменимый». Обидно было до чертиков. Лосев ради интереса ходил на передачу, прекрасно понимая, что не валит его Оникс, ни в коем случае, но требует такого погружения в код, что алгоритм выбора вдруг обретает плоть и кровь, разрываясь в твоих руках на две половины, под которой равно платить по каждому из счетов²².

Как бы там ни было, марафонская дистанция экзаменов осталась позади, не так уж важны стали оценки и баллы, потому что в сухом остатке у каждого было нечто более ценное – знания о собственных козырях и слабостях. Знание о том, над чем нужно поработать и о том, чего в себе терять никак нельзя. А сегодня, по меткому выражению того же Оникса, вновь настало время «гонять тушки».

– Ты готов ко всему по дороге домой из школы, проработан в деталях любой сценарий, – доносилось из кают-компаний. – Если взрыв, ты знаешь, как полетит осколок, знаешь, где спрятаться от цунами...²³

Капитан Орлов читал любимые стихи, тренируя голос. Ребята один за другим переодевались в кинетические костюмы, выходя на финальную предполётную тренировку. Играя мышцами, застыл у самого края бассейна бортинженер Дамир Рамазанов, в шутку пихнув щуплого связиста Ромку, отчего Ромка с громким плеском сверзился в воду, вынырнув под звонкий девичий смех. Смеялась Рита Лебедеванская. На втором плане подпирала стенку Настя Ветер, на лице которой боролось сочувствие к Ромке и желание от души посмеяться вместе с медиком.

– Ну навалай же мне хоть раз, товарищ Костиков, – воззвал Дамир, подмигнув в ближайшую из скрытых камер. – Не видишь, что ли, как девчонки над тобой ржут? Эй, Рита, на кого ставишь?

Лебедеванская манерно повела плечами, поджав ярко накрашенные губы.

– Или ты силой интеллекта привык давить? – несло бортинженера. – Тогда тебе к Насте...

– Отставить разговорчики! – привычно грохнул Орлов, появившись на вышке, словно чёртик из табакерки. – Постр-роиться!..

– ...у неё грудь как раз под размер компьютерной мышки, – шепнул Дамир Ромке, полагая, что сделал это тихо, но эхо мощного выдоха Рамазанова разнеслось над водой, заставляя всех и каждого помимо воли предаваться мыслям о дальнейшем развитии сценария. Если из скупых фраз съёмочной группы сложить хоть какое-то подобие паззла, то «Харон», пройдя через чёрную дыру, должен вывалиться в другой вселенной, где чудом обнаружится планета, подозрительно похожая на Землю. Что там выдумают по поводу местного населения – второй вопрос, но вот то, что исследовательская миссия по сути своей тянула на бета-версию Ноева ковчега, было ясно всем. Тем более странным казалось решение кадрового вопроса – ведь варианты «чисто мужская команда» и «половина на половину» были по какой-то причине забракованы режиссёром. Ещё капелька паранойи – и можно будет вообразить, как на фоне зарастающего мхом «Харона» тот же Дамир дерётся со Славкой Порожняком за право отыграть Риту, а тысячи землян ежевечерне пялятся на всё это безумие, засев перед экранами интервью-зоров с тарелкой жирных чипсов в руках...

---

²² Звездный Странник «Ваш баланс равен...»

²³ С. Аксёнов – Переходя дорогу

– Ты спасёшь и спасёшься от бедствия и теракта, выручат скорость реакции и везучесть²⁴, – в отличие от Дамира, капитан Орлов умел говорить одними губами, в следующий миг с лёгкостью переходя на взрывной гром команд. – Пошли!!

Одинаковые чёрные костюмы, непроницаемые маски на лицах. Прямо хоть сейчас играть в «мафию», только девчонок ещё можно отличить друг от друга по цвету волос – рыжее пятно вокруг Жени, синее – вокруг Риты, пепельно-русое вокруг Насти. Распущенные русалочки пряди – страшное нарушение правил, но чем не поступишься ради красивой картинки в видискателе и о-о-очень приличной суммы. Как раз такой, чтобы в частном порядке заключить контракт с поставщиком высокоэнергетического топлива, раз уж государство бросило своих коней на переправе. И на мороженку ребятам хватит, пожалуй.

– ...но тебя ожидает иная участь, – прикрыв глаза, Орлов с вышки наблюдает, как девятнадцать чёрных стрел уходят под воду, которая до сегодняшнего дня заменяла им невесомость, и занимают свои места согласно билетам, простите, должностям. Прожекторы под потолком выключаются целыми секциями, словно кто-то отменил электричество на всей планете, и тем заметнее становится мерцание синих и красных огней разбуженного под водой тренажера – точной копии основных модулей «Харона». Ко всему не подготовишься, но...

Три, два, один.

– ...обдаёт водой поливальный трактор²⁵.

Старт программы.

Рита любила плескаться в воде, будь то душевая комната или солёный океанский прибор. Плывешь по жизни белой лебедушкой, рассекаешь тихие волны и любишь своим отражением. И восхищенные взгляды мужчин для тебя привычны, а ядовитая зависть женщин не причиняет вреда. Родители гордились твоими первыми шагами, первыми грамотами в олимпиадах, первыми победами... И по-прежнему ты их кумир, их звездочка. Ни слова поперек твоей воли участвовать в космическом шоу. Восхищение на лицах, горящие глаза и шепот в телефонную трубку: «Ритуля наша среди избранных... молиться за нее будем».

Мужчинам давно нечем тебя удивить. Ты медик, ты знаешь, как они устроены. Как работают их примитивные мозги, куда смотрят их алчные глаза и тянутся слишком сильные порой пальцы. Они падали перед тобой, рано созревшей школьницей, на колени, провожали до дома с дискотек, засыпали цветами-подарками-конфетами в надежде купить твою благосклонность. Напрасно.

Все, что они могли и могут тебе дать – эксперимент. Надоедливые игрушки. Одеты по-разному, заходят с разных сторон, а внутри одно и то же инстинктивное желание заарканить, подчинить, запереть. Не бывает этому. И не задерживается белая лебедь ни с одним надолго, не вьет гнезда. Мечта о независимости – путь к звездам. Только работа даст все то, чего не могут дать мужские объятия, о чем лгут мужские обещания...

Но здесь, на тренажёре «Харона», под толщей воды, где заранее выигран конкурс мокрых футболок – читай, гидрокостюмов, в расчетливый мозг белой колпицы залетает мысль, прямая как стрела и тупая как нож старого хирурга на покое. Не все из этих разношерстных представителей мужского народонаселения, каждый из которых может быть смело описан всего тремя словами, залипают на твое тело. И ладно капитан – он на вышке во всех смыслах. Как минимум двум мужикам из этой команды на тебя плевать. Двум Заневским, черт знает как обошедшим запрет на участие родственников в одном составе. Тот, который светленький, похоже, не испытывает проблем на этом фронте, просто плюс к плюсу не притягивается. А Оникс...

---

²⁴ С. Аксёнов – Переходя дорогу

²⁵ С. Аксёнов – Переходя дорогу

В горле у Риточки-звездочки противно пересохло. Внутри поднималась волна спортивного азарта. Достижаем новых целей? Всегда.

Ты бы стал отличным экземпляром в моей коллекции, Оникс. Как тот породистый голубь, который настолько искорежен желаниями заводчика, что непонятно, как еще дышит и летает. Мне ты непонятен, Заневский-темный. Потому и так интересен. А с недавних пор ты меня откровенно пугаешь. И одно это заводит сильнее, чем все афродизиаки вместе взятые.

***

Понаблюдав для приличия за тренировкой, капитан некстати вспомнил присказку про «горного орла на вершинах Кавказа», прыснул в кулак и отчалил с вышки в свой кабинет. Смех вышел у него неестественным и даже мрачным. Странное это было ощущение – ненужности происходящего. Солнце светит, птички поют, ребята делом заняты, и сам ты носишься как угорелый в секторе пары квадратных километров, но ничего из этого не в силах сдвинуть с места камень, залегший на дне души еще десять или больше лет назад. Хоть в силовую батарею залезь, пропусти через себя разрядные двадцать четыре киловольта, хоть влей в себя бутылку «Трофейного», – камень не сдвинешь, на вопрос не ответишь.

Зачем. Все. Это?

Орлов заставил себя встать перед узким прямоугольником зеркала и открыть глаза. На него устало и вопросительно смотрел поджарый стареющий офицер космических войск, которому законный солнечный зайчик прицельно подсвечивал седину на виске и радужку цвета питерского неба.

Орлов вздохнул и отвернулся. Никто и не может дать ответ «Зачем». Потому что его просто нет. А все эти «чтоб было не хуже, чем у соседа», «жизнь даётся один раз и прожить её нужно так, чтоб на небесах кипятком описались», «я должен стараться ради детей / родителей» – не более, чем костыли, ремни безопасности, которыми мы сами пытаемся пристегнуть себя к скальным камням, чтобы не сорваться в пропасть небытия.

И это, черт побери, истина в последней инстанции. Смогут без тебя обойтись и других полюбят так же искренно, умрут родители и жизнь прожитая вычитается с баланса как не твоя, а соседи и вовсе помнят тебя, только когда кроют матом у межи. А что касается небес... Гагарин в космос летал и бога не видел, а нам как бы и вовсе на аудиенцию не надеяться. Сами себя под дых ударим и камнями забьем, было бы желание.

Ну вот зачем, действительно, сдалась тебе эта черная дыра, Орлов? Хочется или вернуться с победой – мол, и не такие видали дали, или... не вернуться вовсе. Чтоб те, кто останется на земле, сложили красивые легенды о твоей пусть не самой легкой, но все же обыкновенной жизни, чтобы вдруг нашли глубокий, почти героический смысл в каждой абсурдной мелочи, из которых было составлено твое существование, капитан? Только ты, кажется, подзабыл за это время, что уже не один. И что команда состоит не из клонов, в которых методом «копировать – вставить» вложили твой образ мыслей и мотивацию лететь.

Орлов рванул ворот кителя. Редко, очень редко он позволял себе скатываться до такого реализма, что хуже повода сходить к психотерапевту. Обычно так накрывало только после проводов на пенсию кого-нибудь из старых друзей или поминок по бывшим начальникам. И в такие минуты он чувствовал незащищенную, голую до мяса спину, потерявшую единственную опору – расстрельную стенку надежды. Легкая добыча для церковников, партийных и всякого сброда, сбегающегося поживиться твоей силой с гнилым болотным привкусом безнадёжности. Остается только крикнуть «мне все равно» и идти на исповедь под грязную полу возрожденца.

И исповедь состоялась. Правда, с тем, кто был космически далёк от какого бы то ни было духовного сана. Не проронив ни слова, Орлов впустил в каюту Валеру Лисова, который рывком

скинул вечный свой белый халат, едва оказавшись за пределами обзора коридорных камер. Под халатом у медика обнаружился реанимационный набор в виде двух стопок и невесть откуда взятого «Arran gold». Лисов выставил коньяк на стол, для приличия пригладил влажные после подводной тренировки волосы и глянул в узкое окошко, из которого можно было с высоты третьего этажа обозревать всю съёмочную площадку.

– Видовое гнездо, дарагой, продаю почти задаром, – неумело спародировав кавказский акцент, выдал Орлов и тут же, без перехода, нырнул до дна. – Жалеешь, что ввязался во всё это, Валер?

Пару секунд медик молчал, затем отрицательно помотал головой – мол, нет, не жалею. Орлов свинтил крышку с бутылки и начал разливать ликёр.

– А знаешь, – Лисов прищурился на суетящихся внизу людей, – это даже к лучшему, что у нас нет времени остановиться. Днем – съемки, до глубокой ночи – тренировки. На сон всего ничего, просто дойти до кровати и упасть. Я, как врач, конечно, должен протестовать против этого издевательства.

– А у нас есть выбор? – тихо уточнил Орлов.

– Выбор есть всегда, – Лисов помолчал и оттарабанил пальцами по стеклу начало «Песни пленниц», и сразу хор в голове Орлова подхватил «улета-ай на крыльях ве-е-тра».²⁶

А врач, набрав в легкие побольше воздуха, вдруг рубанул с плеча.

– Им подумать некогда, Женя. Им ведь есть что оставлять на Земле. Они заигрались в отщепенцев, а все их «ах, я пуст и мертв внутри» решаются одной поездкой на неделю за триста километров от цивилизации. Я же знаю, как люди хотят жить. А ты не героев собрал, а трусов. Которые не могут свои проблемы решить, поэтому бегут от них.

Орлов подавился на вдохе и сипло закашлялся. Картина маслом «здрасьте, я ваша тетя». И какого ты, Лис, меня лупишь под дых? Решил проявить врачебную милость, добить, чтоб побыстрее отмутился?

– И что делать предлагаешь? – капитан почти на автопилоте попытался отбить удар.

Лисов тихо хмыкнул.

– Запрети им покидать территорию НИИ. Они же постоянно домой отлучаются, когда съёмок нет, сам знаешь. Тех, кто сломается и станет нюни разводить, тебе придётся выкинуть. Для их же блага. Лучше меньше, да лучше, помнишь, Женя?

Орлов прикрыл глаза и медленно кивнул. Голова у него вдруг стала лёгкой-лёгкой. Странная это была невесомость, а ведь ещё не пригубили даже.

– Ничего, ты вырастешь или сдохнешь, – прозвучало вместо первого тоста. – Вариантов два, и любой устроит...²⁷

Капитан и начальник медицинского сектора молча напивались в орлином гнезде. Внизу ребята проверяли себя на прочность. Близилось время первого голосования «на вылет».

А в игре всегда остаётся тот лишь, кто спокоен, весел и жизнестоек²⁸.

---

²⁶ А. П. Бородин, опера «Князь Игорь», сцена «Половецкие пляски».

²⁷ Нордическая – Вне игры

²⁸ Нордическая – Вне игры

Глава 7

– Кто-нибудь будет выдвигать обвинение? – тихий голос лингвиста-историка Насти Ветер мягким волчьим пледом окутал собравшийся в ее комнатке «научный сектор» и залетного борт-инженера Дамира.

Колыхнулись голографические карты настолки, превратившиеся вынужденно в «накрыватку», и сделали оборот вокруг своей оси, до смешного напомнив игрокам рождественские гирлянды со светодиодами. Разместиться по-человечески в небольшой комнатке общежития Насти было попросту невозможно, поэтому хозяйке отвели почетное место в потрепанном компьютерном кресле, а Тимка Лапшин и Тошка Хлебников в живописных позах разделили узкий прямоугольник кровати. Дамиру, как случайно зашедшему на огонек, досталась циновка на полу, но у кавказца очевидно не хватило бы сил даже на протесты. Как говорится, «не очень-то и хотелось». Наоборот, было что-то необычайно приятное и легкое после бесконечного дня часов этак в восемнадцать вытянуться на твердом полу и смотреть на кружащиеся под потолком карты. Будто в планетарии. Наконец-то зритель, а не игрок... Хотя нет, игрок настолько, что уже даже по ночам время убиваешь в «Криминалиста».

– Я попробую, – выдал Дамир в пространство и закрыл глаза, силой мысли выдергивая карты из стройного ряда. – Улика – след на теле. Плюс убийство произошло «романтичным предметом», ночью, в не предназначенном для этого месте. Хотел бы я знать место, предназначенное для убийства, конечно...

– Застенки инквизиции, – подал голос Хлебников.

– Языческое капище, – быстро добавил Тимка Лапшин.

Слишком быстро.

Дамир выдохнул. Надоели игры. Нет, даже не так, – надоело напоминать самому себе, что это все игры, пляски смерти под режиссерским кнутом. Чтоб не заиграться. Не сорваться с нитки реальности...

– Я обвиняю Тимофея Лапшина, геолога миссии «Амальгама», что он убил свою жертву в неподходящем месте на борту «Харона», – голос Дамира громыхнул железом, – использовал он «романтичный предмет» – свою гитару, а след на теле – укус.

Тимка Лапшин обиженно взвыл, Хлебников рассмеялся, Настя хлопнула в ладоши.

– В десятку, Дамир.

И карты опали в темноту искрами петарды, взорвавшейся чуть глубже, чем грань раздела реальности и виртуальности. Дамир закрыл глаза и с бесконечно нежной улыбкой ловил прикосновение падающих сверху несуществующих искр. Технологии рванули так далеко, что специалисты-визуализаторы метапространства могли позволить себе почти любую шутку с пользовательскими ощущениями в рамках закона, а иногда – и за ними.

– Как... догадался?.. – сложно вычленить из возмущенной речи Лапшина алую ниточку смысла, задача под силу только аналитатору обценной лексики, что запикает всю эту красивую тираду в эфире. – У Хлебникова же вообще сачок для бабочек и царапины на теле!

«Я лучше представляю, как ты бьешь гитарой, чем как Хлебников душит сачком». Дамир сглотнул с языка ненужную остроту в духе Заневских и покосился на маленький красный огонек скрытой камеры чуть по диагонали от кровати. Под прицелом. Даже здесь. А воображение, получившее импульс, все-таки попыталось вообразить убивающего Лапшина и убивающего Хлебникова.

Один другого краше, святые предки. Лапшин – глиста в обмороке, тощий, кадык что птичий клюв, русые волосы, стянутые в бардовский хвостик. Вообразить себе, как этот дохляк с гречишными глазами закидывает свою гитару к потолку... Нет. Воистину невозможно.

Хлебников – вообще цирк. Биолог такой биолог, совсем не Жак Паганель, скорее Санчо Панса от науки. Маленький, кругленький, рассеянный до жути... И с сачком. Душит. Пфффф.

– Направление голоса Насти, – сдал козыри Дамир. – И твой шорох, Тимка, когда ты ерзал и выбирал карты.

– Музыку надо включать с такими игроками, – прокомментировал Хлебников, но Настя уже свернула приложение на своем планшете.

Новая партия игры отменялась. Парни не протестовали – весь день и весь вечер Настя, светлая искорка в команде, держалась особняком и откровенно пряталась от камер, словно ее подменили на арктически-взрывную смесь юзу и водяных лилий, в один флакон статного историка с Вечностью в глазах вбросили львиную долю волчонка-Жени и недотроги-Риты. А сейчас либо она выгонит их взашей по своим каютам, либо расскажет причину. Лапшин прищурился в темноту. Дамир здесь явно лишний. При этом кавказце любая исповедь превратится в лезгинку на сковородке второго смысла. А потом будет рассказана Рите при очередной попытке «химического соединения» на алых простынях, ночном кошмаре капитана.

– Ну, наверно, пора баиньки, – Тимка показушно зевнул, осторожно толкая лежащего рядом биолога локтем в бок. – По домам нам все равно нельзя теперь, так хоть выспимся.

Хлебников, который понимал в человеческих отношениях чуть меньше, чем в геологии, предпочел промолчать. Сейчас люди разыграют очередную сценку, спрячут маски в сундуки и снова отправятся восвояси. Нет, он не был тупым и не страдал социофобией, но проведя полжизни в логике биогеоценоза и правил пищевой цепочки «волк ест зайца» и «волк не ест волка», врубиться в хитрости телевизионного дурдома было очень трудно. Недаром еще позавчера Порожняк привязался со своими подозрениями, что за Антона Хлебникова голосуют все самки богомоллов на земле – стабильный рейтинг в середине списка без особых стараний. На вопрос «почему» Хлебников так и не ответил. Сам не знал.

– На том свете отоспимся, Тим, – отрешенный голос Дамира добавил в ночь каплю мрачной романтики. – Я никуда не спешу. А дом слишком далеко, чтобы туда бежать.

– А у кого-то и дома нет.

Мрачная романтика мигом трансформировалась в болотную гнильцу. Дамир приподнялся на локте, всматриваясь в тусклый силуэт сидящей в кресле Насти. Было в отпечатавшемся на сетчатке кадре что-то от знаменитого портрета Ахматовой, только в негативе. Белая Настина кожа в неверном свете из окна отчаянно напомнила Дамиру снег в горах, но ассоциативный ряд упорно не хотел сворачивать в родной аул. Перед ним была уже не Анастасия Ветер, историк и лингвист. Был призрак прошлого, сотканный из сизых болотных испарений чего-то, что не отболело по сию пору.

«Так отлетают темные души – я буду бредить, а ты не слушай²⁹».

Но прошло этим скрипучим, как половица, и горьким, как первосортная безответная любовь, голосом не одного Дамира. Тимка Лапшин на импульсе стек с кровати, но дотронуться до белой безвольной руки не рискнул. Так и замер возле историка темной смущенной тенью.

А вот Тошка Хлебников, судорожно перебравший варианты собственного поведения, выдал в пространство не самое удачное:

– Ну у тебя же была квартира в Хамовниках...

В темноте кто-то сдавленно простонал сквозь зубы про «правду говорить легко и приятно», но болото уже всколыхнулось.

– Квартира. В Хамовниках. Есть. Только дом – это не там, где упадешь без вызова скорой. Не там, куда заваливаешься только переночевать. Не там, где мышь в холодильнике повесилась! – почти выкрикнула Настя, и тем страшнее был этот крик, не вязавшийся с замершим неподвижно телом. – Да я в институте своем прожила больше, чем... Сколько тебе лет, Антон?!

---

²⁹ Анна Ахматова

Вопрос был настолько внезапный, что биолог потерял дар речи. Но ответа никто и не ждал.

– Двадцать шесть, знаю. И все вроде хорошо, правда? Незачем в космос переться. Вся жизнь впереди... Женька у нас совсем малявка, двадцать и пара вишеноч. Заневские постарше ее, вы все – погодки. Из стариков только капитан, Лис, Мессершмитт... – тирада оборвалась, – и я.

Цветной видеоряд под веками с прицельным зумом. Дамир, мельком напомнимший себе, что да, ему уже тридцать – все время забываешь, – мигом выцепил с лица Насти Ветер и паутинку морщин под глазами, и чуть дряблую кожу на шее, всегда закрытой платком. В принципе, у Риточки при ближайшем рассмотрении тоже все оказалось не первой свежести, но, святые предки, дело-то не в этом. И даже не в квартире в Хамовниках, наверно. А главный источник раздрая или в дне вчерашнем, или в дне завтрашнем.

– Что тебе сказал режиссер? – выстрелил наугад Дамир, вставая рядом с Лапшиным.

И вовремя, ибо Настю словно подорвало с кресла. Нечленораздельный рык завяз в крепкой сцепке из четырех мужских рук. В лицо Дамиру пахнуло алкоголем. Финиш. И где ж найти умудрилась в этой околосмической дыре...

– На меня смотри, – встряхнул Дамир мечущуюся женщину, едва удерживаясь, чтоб не вцепиться ладонями в бледные щеки. – Говори. Что? От тебя? Хочет? Режиссер?

Дыша как зверь, погнанный на флажки, Настя смотрела Рамазанову в глаза, не замечая уже ни крепкой хватки Лапшина на собственных запястьях, ни мягкого воркования Хлебникова на границах слышимости. Переливчатая невнятность его говора без глубинного смысла была белым на черном фоне Дамировых вопросов и вытягивала, держала, не давала скатиться в истерику. «Может, биолог так и нерп своих заговаривал в ветклинике, когда их от мазута отмывали...» – тупая, но первая связная мысль стукнулась в Настиных висках и отскочила обратно в гулкую пропасть черепушки.

– Медосмотр. Не успел отснять. Завтра меня там... – выдавил скованный кривой судорогой рот, но слез не было. Не было их, черт побери. Сколько там она нашла этого медицинского спирта? Развела минералкой и к лешему все эти пляски в роли правильного лингвиста с идеальной репутацией.

Дамиру понадобился еще вагон наводящих вопросов, тележка смекалки, чтобы сложить пазл, и маленькая капля терпения, когда Лапшина с Хлебниковым уже не хватало на этот сумасшедший дом. Парни трижды подрывались идти «бить морду» режиссеру. Оставалось лишь благодарить киношников за недальновидность: они поставили в комнате Насти только камеру, да и то без инфракрасного модуля.

– Давай еще раз сначала, – тихо произнес Дамир, осторожно ведя рукой по спутавшимся кудрям женщины и машинально отмечая, какая пакля по сравнению с ними синяя шевелюра Риты. – Прошлый медосмотр ты каким-то образом закрыла на стороне. Киношники его вообще продолжали, ибо не знают, что мы по-настоящему... Ладно. Завтра он хочет видеть тебя одну у медиков. Почему именно тебя, Настя?..

– Это мое задание, – прошептала историк, чувствуя, как к горлу подкатывают долгожданные слезы. – Раздеться... перед камерами.

Лапшин и Хлебников едва сдержали снисходительный фырк, но для Ветер это было явно что-то из ряда вон. Дамир мысленно извинился перед небом, но плох тот борт-инженер, что жалеет винтик со сорванной резьбой.

– Что ты должна показать зрителям?

Молчание.

– Что им скажут, если ты не сделаешь этого?

Дрожь по телу. Разрядный ток, бегущий через каждую клетку. Я не знаю, что ты скрываешь, Настя, не знаю, почему у тебя сорвало самоконтроль, не знаю, чем могу заслужить твое доверие сейчас...

– Какую-нибудь порнуху придумают, «та, что любит пожестче», – выбила из себя Настя, каменея в Дамировых руках и отдавая тишине жалкую театральную паузу. – А это на самом деле... С детдома осталось.

«А у кого-то и дома нет»... Не при чем здесь Хамовники, ей-богу. А возраст оказался просто критерием отбора. Чем старше, тем сложнее отпустить прошлое и сказать «будь что будет, подышать так с музыкой». Дамир вдруг рассмеялся, кожей почувствовав удар трех удивленно-возмущенных взглядов. А смех уже окопался в диафрагме. Нет, в нем не было превосходства человека, который уже битых три недели имитирует половой акт – один, затянувшийся такой, – с женщиной-мокрый-сон-миссии-Амальгама. Нет. Это просто последняя стометровка на выходе из лабиринта. Прекращение бега загнанной жертвы.

– А мы сейчас отрепетируем, – выдал Рамазанов и отступил на шаг. – Отойдите от нее, ребята. Тим, вот тебе изолента, знаешь ведь, если не можешь починить – ты использовал мало изоленты, а-аха... Сигай на стул и заклей глазок у камеры. Вон там, чуть по диагонали. Да. Ну что, Анастасия Павловна, жги!

– Ты охренел, – припечатал Лапшин, спрыгнувший со стула, но Настя уже крутнулась на каблуках, встав спиной к зрителям и мерцанию Москвы-2 за окном.

Игры кончились.

– Свет!

Ты закрываешь глаза. Полыхает холодным ртутным какое-то мраморно-зеркальное помещение. Допустим, м-м-м... Томограф. Или операционная. Или кабинет дообследования с неприличным количеством инквизиторских приборов в шкафах. Неважно. Секунды – каждая, как последняя сороковая миля. Ждут. Шприцы ждут. Ждут металлические окуляры. Ждут люди в белых халатах.

– Камера!

Ничего не значащая болтовня, что воркование биолога. Запах спирта – зарекаюсь эту гадость пить больше. Финальный аккорд: «Раздевайтесь, проходите!» И режиссерская ухмылочка, когда он баюкает в правой руке...

– Мотор!

Разрывающий барабанные перепонки хруст молнии на куртке. Рывок. Рукава, которые никак не хотят быть ненужными, заламывают назад руки, но картина неполная. Еще пара секунд. Освободившиеся ладони рвут с тела милую футболку цвета небесной лазури... Ты не носишь нижнее белье, не придумали еще такого на размер «А-минус-один». Зато в легких уже формалин, а под тусклым светом ночи и ртутных ламп стремительно приближающегося завтра полыхает шрам, что тянется через всю спину.

В руке режиссера кнут. Не тот, который был у воспитателя в детдоме, да и бил наискось, с оттяжкой, до мяса, тогда не он. Обывательская масса поверит, конечно, в БДСМ и грязное прошлое Насти – они просто не знают, что любимых, даже очень своеобразно любимых так не бьют.

– Снимешь – они просто будут гадать, – шепчет Настя слова режиссера, и судорога прошивает обнаженное тело навывлет, – не снимешь – узнают то, что мне вздумается, а фантазия у меня, сама знаешь, ого-го... И какая тебе потом лингвистика, если для публики Настенька станет всего-то внештатницей-развратницей...

Прижимается к спине ткань сорванной футболки, но даже через нее тепло Дамира пробирается к заледеневшему сердцу, пропускающему удар за ударом. Все молчат, но приказ темноты однозначен.

Говори. Говори, пока можешь.

А хочешь – кричи, если так легче.

– А теперь ты представь, что всё это было зря... даже самые пессимисты не в корень зрят. Пр-р-р-росыпается новый день, догор-рит заря, только новой уже не будет, не будет, вовек не будет...³⁰

***

Оставшись в одиноком пространстве узкой каюты, Антон снял рубашку, вздрогнув от свежих воспоминаний о репетиции Настиного стриптиза, скинул ботинки и встал на весы. Тонкая сенсорная панель едва заметно прогнулась под весом биолога, словно размышляя, выдать ему правдивый или утешающий вариант ответа, и Тоха вновь вернулся мыслями к той, с кем он проработал бок о бок пять институтских лет. Воображение парня, воспитанного в атмосфере нежной и бережной родительской любви, отказывало напрочь при попытке вообразить, за что жестокий воспитатель мог отлупить кнутом светловолосого ангела с милыми ямочками на щеках, которым была рождена Анастасия Ветер.

Весы пискнули придавленным ополовником и выдали результат. Минус полтора кило, однако. Даже с поправкой на ухищрения типа задержки дыхания результат можно признать статистически значимым...

Сплюнув в сторону кандидатской и помножив на ноль все индексы цитирования вместе с высоконаучной терминологией, биолог покинул площадку весов. Ну, хоть какой-то прок во всем этом есть для тебя, пай-ботан, спокойно и без борьбы шагнувший из прянично-кружевного мирка интеллигентной семьи напрямиком в чистые и гулкие коридоры академической науки.

Давай уже Истину, товарищ Хлебников. Пороху ты не нюхал. Огонь и воду, как Лисов, не проходил. Жизнь рогом изобилия, как у богатеньких спиногрызов, не была, но и не была она тебя, Тоха. Берегла, как консерву в холодильнике. А это значит – не жил ты совсем. И, пока твои сверстники набивали синяки, взлетая под облака на скейтах, и отчаянно целовались по подъездам, ты читал о том, почему кожа от удара становится фиолетово-желтой и о том, какие инфекции могут передаваться половым путем.

По-хорошему, в проекте тебя быть вообще не должно, но ты случайно вперся в кабинет, когда Орлов беседовал там с Настей и Тимкой. И тихий ультиматум Настиного «вы берёте нас втроём, капитан, или я отказываюсь участвовать» ты не забудешь никогда. Но если геологу, который при любой возможности готов был рвануть куда-нибудь, где ещё не ступала его нога, сама судьба подкинула козырного туза, то тебя-то, Тоха, какая пиявка в афедрон тяпнула, что ты толкнул перед Орловым такую пламенную телегу о своем желании участвовать в проекте, какой от тебя не услышал даже ученый совет на защите пресловутого диссера?

Так было в твоей жизни лишь единственный раз. Поезд «Москва-Казань», первая самостоятельная поездка на какой-то фестиваль юных гениев. Ты страшно опаздывал, но с боем взял стометровку платформы и запрыгнул в вагон уже на малом ходу, оттолкнув проводницу, которая не хотела пускать тебя без билета. Был билет, был ведь, как положено, только оказался упрятан мамой от риска «а вдруг потеряешь» в самый дальний угол сумки. Просто вдруг не оказалось времени на жизнь по линейке, просто ты дал себе право догнать мечту. И на ту жалкую минуту зашкала пульса и гонки с ветром ты смог стать настоящим.

Билет все еще при тебе, Антон, жжет под ребрами, ждет своего рейса. Быть может, уже дождался.

***

---

³⁰ Дарина Stark

Похмелье от медицинского спирта накатывало тошнотворными волнами, укачивало Настю в сизых объятиях. Хорошо, что хоть в туалетах не догадались поставить камеры, иначе на всю страну сейчас светилось бы ее измученное лицо, обрамленное водорослями волос, склонившееся над унитазом. Идея Дамира показалась бы ей негуманной в любой другой ситуации, но несколько часов назад именно эта репетиция проклятого медосмотра стала ее, Настиным, спасением. Боль разделенная теряет градус, как теряет градус и смысл алкоголь, распадаясь в организме и выходя наружу царапающей горло жидкостью.

Настя добрела до своей кровати и рухнула лицом в подушку, провалилась в ватный похмельный сон.

Она сидела у костра на поляне и слушала, как весело потрескивает хворост и пляшет необычное пламя с лиловатым оттенком. Лес вокруг, но пахло в этом лесу незнакомо, странно и чуточку пугающе. И на темном полотне неба над головой растянулись чужие созвездия, нет их ни на карте Северного, ни на карте Южного полушарий.

Куча меховых шкур рядом с Настей зашевелилась, из нее высунулась вполне себе человеческая рука, схватила палку и подпихнула к костру выкатившиеся головни. Вслед за рукой вынырнула и голова, пронзительные черные глаза уставились на историка. И, словно продолжая некогда начатый разговор, из недр меховой кучи зазвучал глухой голос – то ли мужской, то ли женский – не разобрать...

– Ждут боги явные, когда боги небесные придут и разбудят Изгнанницу. Окружат ее заботой и покровительством своим. Бог темный с сердцем хрустальным да бог светлый с сердцем горячим, с ними человек-зерно да сосуд неприкаянный, Изгнанницу ожидающий.

Настя не перебивала шамана, силясь понять, где она оказалась и почему ей все это говорят. А тот повернул лицо к огню, и стало понятно, что это все же мужчина с глубоко посаженными темными глазами, острым птичьим носиком и давно немытым лицом.

– Слушай, дитя. Слушай и запоминай, храни знание, тебе не привыкать. И запомни – к тебе пойдут они за знаками, за помощью, протяни им руки навстречу и открой сердце, как сделали для тебя друзья, – Настя не поняла, как шаман успел оказаться на ногах и как ее щеки оказались в его горячих ладонях. – Не бойся ничего. Они чувствуют в тебе правду и поверят, когда ты озвучишь ее.

– Что вы от меня хотите? Какая правда? Кому и что я должна сказать?

По непредсказуемой логике сна поляна завертелась перед глазами, как клятая центрифуга, и Настя услышала тающий вдали глухой голос: «Вспомнишь. Почуешь их. Вспомнишь...», – и проснулась от трезвона будильника в своей постели на липкой, насквозь пропитавшейся потом простыне...

***

– Ты будешь хотеть меня, орел ты драный, – шепот Риты ввинчивается в ухо и сопровождается очередной порцией свежих царапин на голой спине.

– Аааргх, – приходится стонать и изображать страсть, но выходит неубедительно.

Как он только мог хотеть эту холодную целлулоидную куклу в самом начале подготовки к полету?

– Давай, шевелись. Если не будешь стараться, режиссер быстро найдет более горячего парня, а ты вылетишь отсюда пробкой, – Рита никак не успокоится, ее самолюбие задето сегодняшней инертностью Дамира.

Играть героя-любовника под прицелами камер, на глазах Орлова и режиссера оказалось невыносимо. Сначала Дамир посмеялся, когда ему предложили эту роль и согласился без коле-

баний. Думал, будет легко. Думал, опрокинет красотку пару раз и гордо удалится, и все будут довольны. Ан нет – Пурге страсти подавай, Рите – удовлетворение, а себе самому – чистую совесть...

И эта совесть вставала каждый раз алой пеленой перед глазами, когда Дамир входил в покои навстречу пурпурным шелкам, черному пеньюару и неестественной, хищной улыбке Риты. Совесть. Память. Эти два слова отменяли действие любой виагры, заботливо подсыпанной медичкой в бокал красного. И вставало перед глазами милое лицо с глазами лани, пушистыми ресницами, доброй улыбкой. Альфия.

Ты ведь свататься к ней хотел, приехал из столицы с деньгами и пошел к отцу с новостью – мол, хозяйку в дом берем, собирайся, пойдем договариваться о выкупе. Да отец взглянул на тебя печально и сказал, как припечатал:

– Опоздал ты. Сговорили Альфию в прошлом году за богача в Горячий Ключ.

– Как? Дай мне адрес, поеду к ней... – сердце горячее билось в ребра, отказывалось верить. – Поговорю с ее мужем.

– Сын, – рука отца на плече тяжела, как камень. – Некуда тебе ехать, остынь, говорю. Ко вдовцу поедешь рану бередить.

– Так она... – голос оставил тебя, и ты мог только дышать да смотреть в пол.

– Бросилась она с моста в реку наутро после свадьбы, даже записки не оставила. Похоронили здесь, на горе. На могиле черешню молодую посадили.

Все видят, все прощают тебе глаза мертвой возлюбленной, да не можешь ты сам себе простить этот цирк с нелюбимой на камеру, хоть и выкупаешь так свою свободу. Стисни зубы. Расслабься. Позволь умелым рукам ласкать тебя и улыбнись Рите в ответ. Может, не вылетишь так скоро...

***

Потерпев неудачу в попытках слепить устойчивое химическое соединение из Дамира и Риты, режиссер переключился на тех, у кого, кажется, всё получилось само собой. Оставалось только выбрать ракурс и... не мешать. Орлов, вместе с Лисовым опиравшийся на перила на антресоли реактора, беззвучно рассмеялся. Само собой, как же. Только этой ночью двое «отстающих» – Женя Симань и Никита Лосев, безнадежно последние в рейтинге реалити-шоу «Амальгама» и первые кандидаты на вылет из проекта, сидели в комнатке Орлова на последнем этаже общежития космогородка и внимали прочувствованной речи о важности их участия в экспедиции. Внимали с кислыми лицами и скептицизмом в изломанных линиях бровей. И Орлов вполне отдавал себе отчет, что если бы не Лисов, вдруг на полуслове оборвавший очередную торжественную тираду, – нечего режиссеру было бы снимать сейчас.

– Что ты хочешь от них? От девчонки, которой никто в жизни не сказал, что она красивая, и от парня, который, судя по прыщам на подбородке, целовался только один раз в школьном туалете, и то на спор?

Грубо? Да. Но сразу куда-то подевался высосанный из пальца, а оттого еще более фальшивый романтический налет в сценарии для двух белых ворон. И все перешли на уровень конкретных действий. Даже под шутки-смех двух стариков ребятня отрепетировала пару поцелуев.

Но спрашивать и интересоваться глубиной истинных чувств уже нет времени. «Я – твой вечный дедлайн», как однажды верно заметил Оникс, выползая из ночной центрифуги.

– Женя, ты стоишь к камере спиной, – приказ режиссера, отрывистый и громкий, родил эхо под потолком реакторного отсека. – Ну там, делай что-нибудь за своей установкой... На счет «три» оборачиваешься, потому что кто-то вломился в реакторный отсек и надо бы его

выгнать. Никита, на счет «три» протягиваешь розу. Женя, у тебя пять секунд, чтобы сменить гнев на милость и принять подарок. Камера...

Мишка Пурга, стоящий в темноте за плечом кибернетика, молча кивнул. Второй оператор скрылся за приборной панелью.

– Мотор!

Прищурившись на показания приборов, Женя нарочито медленно переключилась с режима отображения температуры в цельсиях на фаренгейты. Воспоминания о ночном разговоре в комнате капитана кольнули под сердцем. Да, с показухой у специалиста по фотонной тяге всегда были нелады, даже поцелуй какой-то совсем неумелый получился. Вот если бы ей дали хоть какую-то мало-мальски стоящую задачку – не пришлось бы корчить глубокомысленную рожу, если б не твердили с детства «кому ты такая уродина, да еще с таким характером, нужна будешь» – целовала бы парней до остановки сердца, а так...

Шорох раздвигающихся лепестков гермодвери заставил девушку еле заметно вздрогнуть. Сведя для приличия тонкие брови, Женя резко развернулась и шагнула к свежеиспечённому Ромео, прикидывая, как бы поубедительней его вытолкать, но парень внезапно протянул ей большую синюю розу.

– За пропуск сойдет, товарищ Си...

Оглушительно грохнула тяжелая гермодверь, стальными челюстями зажав руку Никиты. Отчаянно завопила Женя, царапая заклинившие створки.

Опали на пол синие лепестки, залитые кровью кибернетика Лосева.

«Дверь. Открыть дверь. Открыть...» – отчаянным нордом свистело в голове Женьки, пока трясущиеся пальцы, выпачканные в чужой крови, загоняли в импланты карту беспроводного доступа. Ну же, ну пожалуйста, быстрее! Подключение к системе безопасности. К черту авторизацию. К черту крики о том, что надо позвать Оникса, надо позвать Риту, надо ребят покрепче, Дамира с Порожняком найдите... Внаглую проскочив через огонь фаерволла, Симань ныряет в лабиринт Минотавра, накрученный каким-то программистом-неумехой. Блокировка на блокировке, коды допуска – в кучу, и отчаянно не хватает времени на поиск той-самой-двери. А в реальности грохот подошв по лесенке реактора – спускаются на грешную землю капитан и врач, шум, в темноте за стальными челюстями «Харона» кричит Лосев, и кто-то скрипит зубами, сдерживая смыкающиеся створки.

Не можешь выбрать – не выбирай.

Открыть. Все. Двери.

Свободен.

– Медотсек «Харона»! Быстро!

Крик Валерия Лисова вывел всех из ступора, который стал неизбежен, когда в коридоре к реакторному отсеку включили свет. Толпа из членов съемочной группы и команды «Харона» отшатнулась и застыла. Рука, почти оторванная от тела. На мелкие осколки разбитый локоть. И кровь: из распоротых вен, из прикушенных губ, из имплантов, очевидно не выдержавших импульса болевого шока.

– Но, Валер... – Орлову, растеряно замершему над раздавленным кибертехником, очень хотелось назвать хирурга еще и по отчеству, так хищно и командно выглядел сейчас старый врач.

– До больницы не довезем, потеряем парня, – тихо выплюнул сквозь зубы Лисов, и уже громко, – Рита! Дамир! Ивашин! В ассистенты! Найдите Мессера!

– Ааа... эээ... Крупный план! – до режиссера, кажется, дошло, что к нему в руки «само собой» попало нечто выдающееся.

Выберем лучший ракурс? Почти все равно какой, ибо боль прекрасна. Боль, настоящая, хрипящая, достойна десятикратного зума и грифа в 18+. Мишка до одеревенения напряг мышцы, удерживая под невозможным углом камеру, сохраняющую на матрице сейчас белые

от усилия пальцы Дамира, зажимающего артерии у плеча Лосева. Все живут ради боли. Одни ее приносят, и им это нравится. Другие эту боль лечат, и им это нравится. Третьи ее хранят, и им...

[А Михаил Пурга ее снимает, потому что не взяли спецкором в выпуски новостей. и ему это нра...]

– Простите, я нечаянно, – оскалился Лисов, резким движением поднявшийся с колен и плечом сбивший прицел Мишкиной камеры. Мишка мотнул головой – мол, припомню тебе еще, – а врач, вынырнувший из толпы, что-то отчаянно искал, но взгляду не за что было зацепиться в гладком реакторном отсеке. Железо. Спектролит. Заклепки кожуха, и все не то, не так.

– Это ищешь? – голос Мессера, до неприличия спокойный, будто у него на руках уже сотня таких Никит Лосевых сдохла, подорвал врача похлеще той единственной дороги в Чечне, где все русские совершенно случайно ловят фугасы под днищем своих авто. А Мессер стоял в пяти шагах, прямой, даже светлый какой-то и... с мантией из хромакея через плечо.

Остальное было уже делом техники. Под вопли режиссера о порче имущества киностудии зеленое семиметровое полотнище, на три долгих дня пропавшее в чертогах Риты Лебедянской, свернули в некое подобие носилок. Лисов даже удивиться забыл, на чем он еще только раненых не вытаскивал, разве что волчья шкура осталась за бортом. А в голове уже крутились обрывки жесткого разговора. Разговора, который он то ли предвидит, то ли программирует на него сейчас реальность.

«Ну вот тебе, матушка, и Юрьев день, то есть ночь», – тупо подумал капитан, втискиваясь с носилками и наскоро образованной медицинской командой в грузовую лифт. Как корабль назовешь, так он и поплывет. Вот она, проблема. «Харон», лодочник треклятый, моего новобранца на другой берег забрать решил?!

И сейчас все это снимает жучок в потолке. А в нем же датчик на звук и анализатор эмоций... Хрип Лосева, лося раненного, снова порвал душу и барабанные перепонки. Хотел настоящую команду, да? Ну так вот и команда, и корабль, и первые потери... Капитан быстро глянул на соседей. И первые открытия тоже.

Рита склонилась над разбитым в хлам парнем, тонкими пальцами сжимая запястье на уцелевшей руке. Кажется, она звала его все время, пока, натужно скрипя, лифт полз вверх по течению Харона. И куда, спрашивается, делась баба-позерша, виляющая всеми извилинами, даже той прямой пониже пояса, на любом занятии – от экзамена до подводной тренировки?

А вот господин Мессер, лишь мельком осмотревший спаленные Лосевские импланты, куда больше интересовался Ритой. Темные глаза его полыхали огнем джихада, прожигая женскую спину до состояния сыра Эмменталь. В памяти Орлова всплыла фраза из режиссерского досье: «*Мессер. Смерть в лаборатории. Странное стечение обстоятельств...*». Интуиция завопила благим матом, что надо бы другого нейрофизиолога, но лифт, слабо пискнув, уже распахнул двери.

Дамир, Лисов и Ивашин с трудом выволокли покрывало с Лосевым из лифтовой кабины. Орлов, в руке которого трещало зеленое полотно, выполз из лифта последним, стараясь как можно меньше тревожить правую часть Никиты, которая ему впопыхах и досталась. За спиной топтались Рита и Мессер.

– Мы снова у одного операционного стола, Марго, – свистящий шепот Льва Виссарионовича был холоднее силикагеля. – И на этот раз не подведи меня...

Орлов закаменел спиной. Рита молчала.

А двери медотсека уже были распахнуты – не вошедшие в санвзвод члены команды поднялись на верхний уровень быстрее грузового лифта и сделали все, на что хватило смелости: то есть открыли двери, вытащили из шкафов все инструменты, запустили антисептическую установку и разбудили киберврача. Лисов громко выдохнул. Все эти экзамены и тренировки

не прошли даром. Конечно, защитить парня смогут только он, Рита и Мессер, да и то вряд ли поодиночке, но зато ассистентов хоть отбавляй...

Сглазил. Ивашин, который в лифте принял все возможные оттенки хромакея, все-таки нагнал собственную панику. Его ощутимо качнуло влево. Руки подвели, дрогнули носилки, и Никита сдавленно охнул.

– Ппппростите... – выдавил из себя Ивашин, но Лисов уже не слушал.

Вот тебе и тренировки. Искусственная кровь и манекены.

– Слава, Ян, замените Ивашина и капитана.

От толпы отделились две тени, Ивашина увели куда-то за угол. Орлов, оставленный тупой галькой на берегу, свербил взглядом стенку медотсека, избегая смотреть на Никиту. А Лисов явно медлил, словно чего-то ему не хватало, чего-то он ждал, на что-то не мог решиться. Рита мелькнула на границе обзора в снежно-белом, Мессер уже вовсю гремел стеклом, подбирая анестезию. Даже Никита как-то стих, уходя все ближе к грани между жизнью и не-жизнью.

Секунды текли слишком медленно, и Орлов тратил их бестолково. Просто смотрел, как Лисов натягивает на руки перчатки. Палец за пальцем, священнодейственно, будто это чайная церемония. И во всем виноват капитан. «Капитан виноват всегда», говорили на кафедре. И главная его сила... В мозгах вдруг что-то заклинило, словно забылась главная фраза, но нет. Не забылась. Изменилась. «Главная его сила в том, чтобы принять ответственность за других».

В этом же его проклятие.

– Слушай меня, – перчатки вдруг оказались очень близко. – Слушай, Евгений Сергеевич Орлов, и запоминай. Дома будешь себя пинать. Запрешься от всех в туалете и пинай себя сколько влезет. А сейчас ты идёшь к продюсерам и меняешь баш на баш. Они достают нам протез с автоподстройкой под пациента и новые импланты. А я разрешаю им снимать операцию. Со светом, хлопушками и не скрытыми камерами.

– Но никто ради нас смету съёмок переделывать не будет, – нервно скривился Орлов, теряя последнюю почву под ногами. – Ставлю капитанский значок против всей «Амальгамы».

– Тогда скажи им, что мы все уйдем из проекта.

[Мы, конечно, не уйдем, но выбор есть всегда].

За дверьми медблока Женю уже держали в четыре руки геолог и биолог, не давая рыжей заполошной птице приблизиться к окровавленным простыням и телу Никиты под красным сканированием киберврача.

Пристальный взгляд Тимофея Лапшина – мол, не будешь творить глупостей, обещаешь ждать в коридоре? Молчаливый ответ травяной Женькиной зелени – обещаю. Тим кивнул и отправился в рубку, а девушка медленно сползла по холодной ребристой стене и обняла себя руками.

Она должна была совершить невозможное. Мгновенно разогнуть створки дверей силой мысли, по наитию сразу же найти нужный код допуска... И крики. Крики Никиты всегда будут эхом отдаваться у нее в голове в такой крошечной тишине, как сейчас, и ничем их не заглушить.

– Женька? – раздался над головой тихий голос Зосимова. – Что там у них сейчас?

Девушка пожалала плечами и вновь уронила голову на руки. Ещё не хватало, чтобы этот физик-клирик сейчас увидел её заплаканную рожу и начал читать нравоучения пополам с молитвами о здравии...

– В общем, если ты тут будешь, поймай капитана или Мессера, очень тебя прошу. Скажи, что я отчалил за нейропротезом, чем быстрее поставим, тем лучше.

– Но... э-э... – у Жени никак не получалось связать в одной фразе резонный вопрос «откуда ты нейропротез возьмёшь?» и откровенное удивление тем фактом, что за установку ратует не кто-нибудь, а истинно верующий возрожденец, который, по всем канонам, не дол-

жен идти поперёк свершившейся божьей воли, да ещё и использовать при этом мракобесные порождения технического прогресса.

– Протез чистый, знакомые из хосписа продают почти за бесценок, – пояснил Димка. – Ликвидация у них. Может, судьба, что я сегодня утром об этом узнал. Пути господни всяко неисповедимы, но тупиками они не заканчиваются, а если закончились, то бес попутал, не иначе...

Тряхнув изрядно отросшими за год послушания волосами, физик взял первую космическую и исчез за углом, вновь оставив Женю бегать загнанной белкой в кругу собственных мыслей.

Зачем она согласилась на откровенно дурацкую затею с влюбленными неудачниками? А теперь розы-мимозы и романтика у двигателя обернулись для Никиты трагедией. Кибернетик без руки... Вот что бы ты, рыжая, делала, если бы это твоя рука превратилась в кровавое месиво? Ты и так никому не нужна со всеми целыми конечностями, а инвалидом – даже с современным протезом – тем более. Жалость к Никите захлестывала до макушки, лилась горькими слезами по щекам. Жалость, не любовь – на этой закваске могло бы возникнуть дружеское тепло, но для чего-то большего надо быть другим человеком. Все слишком усложнилось.

Если этому болвану режиссеру придет в голову разыграть любовь, основанную на жалости, пусть сам ее и играет. Невозможно так лгать себе. Камеры, может, и не заметят игру, публика, может, и съест остросоциальный кусочек и попросит добавки. Но как жить, каждую секунду предавая себя, объясняя, как маленькой, что это всего лишь цена свободы, Женя представить себе не могла. И так и сидела поникшим пламенем в коридоре у медотсека, пока двери не открылись бесшумно и не показались по одному усталые врачи и их помощники. За их спинами на койке застыл бледный как мел Никита.

– Иди отдохни, – горячая ладонь Дамира на плече. – Он поправится, а ты не ешь себя. Совсем серая стала, как стенка.

– Сначала... увидеть его.

Болезненное, невысказанное вслух «зачем сейчас?» застыло темной смоляной каплей на дне зрачков кавказца. Женю никто не остановил, когда она подошла совсем близко к Никите, спящему тяжелым наркотическим сном.

Можно было сотню раз повторить себе, что ничьей вины в случившемся нет, что «оно само», только вот колени подвели, и Женя медленно осела на пол, взяв раненого кибертехника за оставшуюся руку.

А за спиной у девчонки поднимали голову надоедливые призраки родителей, шепча набившее оскомину «сидела бы дома, ничего бы не случилось».

Да, это она со своей дурацкой жаждой свободы виновата во всем. Хочешь свободы – не привязывайся ни к кому, иначе угробишь и себя, и того, кто стал тебе близок.

И срывается с побледневших Жениных губ короткое:

– Прости...

Глава 8

«Шутить нельзя плакать». И ставь знак препинания, где хочешь.

Оникс закрыл глаза, впечатываясь в обшивку у входа на рубку. Глубже. Сильней. Слейся, черт побери, лицом с обоями, тем более, что к этому есть все предпосылки. Ты же дурак, хакер. Ты же обязательный дурак, хакер. Ты же незаметный-незаменимый... дурак? Ты не спускаешь на тормозах приказы начальства. Ты реально готовишься к миссии «Амальгама», забыв, что она – реалити-шоу имени самой себя. Ты поднимаешь нижние пласты Сети по любому экзамену, ты мотаешь свою тушку на центрифуге, ты, который с детства не переносит даже качение снегохода. Ты делаешь все это на сто двадцать процентов, хотя от тебя никто не требует и на шестьдесят.

Ты такой идиот, каких свет белый не помнит.

Сердце отчаянно засбоило, пытаясь скользнуть в безвременье, где нет буравящего взгляда капитана Орлова и трех слов на исходе первой недели тренировок: «Играй как живи». И сказал он это, боги транскода, ему без свидетелей.

Еще неделю Оникс Заневский ломал ночами голову над расшифровкой. Нет, дело тут явно было не в рейтингах телешоу, да и актерской игры никто не требовал. «Будь, пожалуйста», – попросил режиссер, заплатил деньги и понаставил скрытых камер по всему Харону и в радиусе километра вокруг. «Будь, пожалуйста, хакером», – попросила душа, и Оникс создал трехмерную модель корабля со всеми зонами покрытия следящей аппаратуры. И вот сейчас его лицо в слепой зоне тех двух глазков, что вмонтированы в потолок узкого коридора.

Незачем людям по ту сторону экрана видеть глубокую морщину между его бровей и закусенную губу. Не аритмия это вовсе, а недостаток информации рвет линию кардиограммы, вписывая осколки в ритм любимого капитанского стихотворения:

День расписан практически по минутам:
Тренировки, зубрёжка, короткий сон...
Хочешь сдать? Заплакать? Побить посуду?
Потеряешь сознание – выйдешь вон.³¹

– Заневский? – голос Орлова над ухом произвел эффект разорвавшейся бомбы. – Вы раньше на пять минут.

«Всего на пять», – прокомментировал внутри параноик, быстро стирая с лица даже малейший намек на эмоции и мысли. Все строго по роли. Бесстрастный лед – хоть здесь киношники не потребовали от него невозможного горения.

– Начинайте, товарищ программист, – сухо проговорил Орлов.

И Оникс начал.

– Рубка управления является одним из главных отсеков космического корабля «Харон». Здесь находятся рабочие места капитана, первого пилота, штурмана... – Оникс остановился на середине фразы, вспомнив Соньера, который тихим французским матом с кучей шипящих крыл весь мир за пультом управления, пытаясь превратить себя в поющего ударника рок-группы – одновременно прокладывать курс и лететь по нему с точностью плюс-минус лапоть. – В общем, экипажу здесь дом родной и место фриланса.

«Шутить нельзя плакать», говорили они.

– А эту кнопку когда надо нажать? – капитан Орлов, сохраняя невозмутимость Пасхально-островного истукана, ткнул в приборную панель почти что наугад.

---

³¹ Анна Закревская «Шестнадцатый рассвет»

В этом и был главный подводный камень экзамена «Экскурсия для капитана», о котором в письменной рассылке было сказано почти что вскользь. Любые вопросы в любом отсеке корабля на любую тему. Оникс почти полминуты судорожно соображал, за что отвечает зеленая плоская кнопка еще и с тумблером на два положения, пока тупой молоточек синего осе-
нения не превратил виски в натужно звенящие колокола.

Кнопки. На. Схемах. Не. Было.

Шутить нельзя плакать?

– Когда ты девочка, тебя зовут Алиса, ты не хочешь ничего решать и хочешь в Зазеркалье, – выдал Оникс, лишая усмешнителя на студии возможности заработать на этом куске видео.

Капитан Орлов дернулся, как будто его прошило Ониксовым электричеством по-настоящему. Едва слышный присвист аудиодатчиков в диктофонах заставил Заневского напрячься. Нет, он не вышел из роли, но даже покрытый льдом хакерский эмоциональный сенсор сбоит от тяжелого дыхания капитана, будто тому врезали прямо в солнечное сплетение. Ну и что я на этот раз не так сказал?

Кажется, Заневский на секунду потерял ориентировку, ибо память сыграла с ним злую шутку, подкидывая картинки вчерашнего вечера: довольный как сто китайцев Ян, выпросивший 3D-модель «только на минуточку», битых полчаса подбирает лучший ракурс для себя любимого в завтрашнем дне. Ян втянулся в Игру. Он отдавал ей всего себя, словно каждый кадр – посмертный скриншот с реальности без права на Ctrl-Z. И если уж так, то сгорать надо красиво. А у Оникса не хватило сил ни на протесты, ни на интерес, что там будет, в этом завтрашнем дне у брата. Обычно всем жизнь прописывалась абстрактно, без конкретных дат и сцен. Например, Ониксу требовалось устроить мордобой Мессеру. Мессер [за глаза – Мессершмитт] тоже знал об этом, но мордобой избегал...

Одним резким движением рука капитана разорвала воздух до зеленого прямоугольника. Громкий щелчок, и боковое зрение выхватывает сжатые челюсти Орлова, фоном к которым подозрительно гладкая стена распарывается по шву в дальнем углу.

Орлов, медвежья громада белого кителя, пересекла пристрельные пять секторов и оказалась у темного проема. «А ведь там слепая зона, – мелькнуло в голове Оникса, который шагнул следом за капитаном, как примагниченный. – Хорошо выбрал, кэп».

– Добро пожаловать в Зазеркалье, – буркнул капитан, когда Оникс осторожно пересек условную черту... подсобки? Тайной комнаты? Что, раздери солнечный ветер эти вишенки, происходит?

– Ну, за зеркалом всегда есть что-нибудь, верно? Например, зеркало-дублер, – в голосе Орлова было не то ехидство, не то тоска по золотому веку космонавтики.

Вспыхнул свет, выбив из хакера тихий стон от обожженной квантово-волновым дуализмом сетчатки. Птица больше любит ночь, ну да ладно, где наша не пропадала. А капитан Орлов плавным кошачьим движением обогнул нагромождения ЗИПа, где взгляд безошибочно выхватывал и потрепанную приборную панель, и модуль автоштурмана, и даже, боги Сети, нераспакованный терминал искусственного ИИ... Орлов совсем уж как-то шумно устроился на потрепанном стуле, грохнув локтями по металлическому кубу, заменившему ему стол. Оникс выразительно повел глазами за правое плечо. Слепая зона – это да, но диктофоны...

– Здесь прекрасная звукоизоляция, свиней можно резать, – усмехнулся капитан. – Садись, Оникс. Пока все играют в... потрошоу, мы успеем поговорить о главном.

Интонационное выделение последнего слова было настолько сильным, что готовое сорваться с языка «сесть я всегда успею» растаяло с горчинкой. Игры кончились. А капитан, словно по заранее написанной бумажке, продолжал вещать в эфире.

– Такое есть правило у космонавтов, Оникс. У всего должен быть дублер. Начиная с самого маленького датчика и заканчивая кораблем, – полынный смехок. – У «Харона» дуб-

лера, как видишь, нет. Да и вам второго состава никто не готовил. Но у капитана д о л ж е н быть дублер.

– Незаменимых нет, но некоторых заменить трудно, – тихо ответил Оникс, отводя взгляд.

Не буду я сейчас смотреть тебе в глаза, капитан. Пусть под моим разрядом сейчас скукожатся старинные фолианты чуть правее твоего кителя – кстати, посмотреть, что там, неужто древние своды команд для автопилота? – но я не выдам свой раздрай. Ибо я точно знаю, что не смогу...

Наверно, парень выдал последнюю фразу вслух, ибо какой там Ангел Льда, еще неделя и такими темпами он просто вылетит из проекта с астенией и пачкой нейропротекторов в руках. И аккомпанементом будет рвущееся из глотки: «Оста-а-авьте меня в поко-о-о-ое!!!»

– А ты попробуй.

И уже не дожидаясь ответа, Орлов выложил на стол все карты, где Оникс Заневский оказался пятым тузом.

– Я думал сначала передать свои полномочия в случае нештатной ситуации Соньеру, но паренька и так огрузили не по-детски, – выдал Орлов в пространство, выжимая голосом такую глубину, что Заневскому стоило большого труда не вскинуться полевым жаворонком и хлопнуть... да чем тут хлопнешь на этом «Хароне», двери и те что рыбы жабры, – поэтому мы решили изменить расстановку сил. Твой брат, Ян, научится у Соньера пилотированию и штурманскому делу, а ты станешь капитаном.

– Это приказ? – Оникс всеми силами пытался не показывать, что идет по натянутому канату своих нервов. Ангел Льда, значит? Ну так получай, капитан. – Или просто предложение, от которого нельзя отказаться?

– Констатация факта. Потому что если не ты, то кто?

Приплыли. Заневский изящно связал в одном предложении самонадеянных капитанов, безотказных ополовников и все эти ментальные ловушки долга и трудоголизма. Но рациональная часть мозга, еще остававшаяся на плаву в океане паники, уже прикидывала, где раздобыть двадцать шестой час в сутках на курс-интенсив «капитан космического корабля». И тяжелее придется, наверно, только Яну. Ибо инженера-исследователя ждут и в пилоты, и в штурманы, и в лаборанты-физики, а бонусом еще и сам Оникс хотел реанимировать в нем кодера себе в помощь.

– В общем так, – снова первым нарушил молчание капитан, отправляя в цепкие птичьи пальцы серебристый треугольник флэш-карты. – Первое – свод правил по контактам, как ни странно. Никого еще во Вселенной не нашли, но с этого все начинается. Потом устав корабля – расширенная версия, не для простых смертных. Ну и куча всякой околоспсихологической мути о делегировании полномочий... Это все для разгона.

Оникс крутил в пальцах карту и не двигался с места. Что-то явно было недосказано, и капитан колебался, как глубоко ему нырять. Помочь тебе, что ли, Орлов? Ведь обратной дороги у нас обоих уже нет? Слишком уж все похоже на книжные сказки, в испытательном стенде «Харон», в «Хароне» – рубка, в рубке – тайная комната, в комнате – сундук мертвеца...

– А где ключ? – поинтересовался Оникс с глазами невинными и бесстыжими.

Орлов поперхнулся, и, сипя, пробуравил тощую птичью тушку тяжелым взглядом.

– Вера... Ключ ко всему, Заневский.

Капитанские пальцы рванули воротник кителя, вытащили на искусственный свет ламп сначала вощенный черный шнурок, а потом – и маленький серебряный крестик с пустотой там, где обычно делали распятую фигурку. «Крестильный», – догадался Оникс. Играй как живи, но это чувство вездесущей загруженности в матрицу, кажется, начинало исчезать. Во всяком случае, вербальные финты ушами делать уже не хотелось. Очень глубоко нырнули, впору плакать.

А крестик тем временем был сдернут с бычьей шеи Орлова и засунут в один из пазов на боковом торце импровизированного стола.

– Вы еще скажите, что «Харон» крестиком заводится, – все-таки выдал Оникс, подхватывая с другой стороны поднятую капитаном «столешницу», пока перегревшаяся в имплантах флэш-карта отрабатывала запрос на поиск стартера в чертежах «Харона».

– Дошутишься, Заневский, еще и заводить будешь, – буркнул капитан, с кряхтением оттаскивая железную крышку куба.

Стартера, согласно схемам, у «Харона» не было. То есть была и фотонная тяга, и отражатели, и автопилот, а вот точки командования парадом – не было.

– А пока вот это под твою ответственность, – выдохнул Орлов. – Умеешь с этими игрушками обращаться?

Оникс ошарашенно переводил взгляд с содержимого ящика на капитана и обратно. «Игрушки» – гражданские парализаторы, бластеры, стрелковые извращения военных, запасные блоки, электрогенераторы и патроны, – ровными сверкающими рядами заполняли пространство спектролитом и сталью. Такого количества смерти на один кубический сантиметр Оникс в своей жизни еще не видел. Правда, однажды ему пришлось поднимать сервак одного лазертаг-клуба, и, по своей хакерской привычке взяв «попользоваться» все коды доступа, он забрел в оружейную. Одно «но»: лазертаг – игрушка по сравнению даже с ГП-7, гражданским парализатором типа «Осы» последнего поколения. Вот он, справа, в количестве пяти штук.

Шутить нельзя плакать?

– Капитан, один вопрос, – Оникс подушечками тонких пальцев скользнул по дулу ближайшего бластера, словно примериваясь своими жалкими остатками заряда к корпусу из карбоновой стали. – Это все попугать, для того, чтобы мы все перестреляли друг друга на орбите, или вы серьезно...

Орлов, уже набравший в грудь воздуха для ответа, сказать ничего не успел. На пороге возник Андре Соньер. Оникса давно подмывало поднять Сеть на предмет их возможного родства, ибо тонкий хрупкий Андре, знакомый Ониксу сначала по рассказам брата, а теперь – и лично, был копией Заневского-темного, пусть и немного искаженной. Пожалуй, поставь их рядом на одну сцену, нацепи джинсы да одинаковые красные рубашки – сойдут за братьев, типичных легкокрылых птиц. Был бы дед Кир, спросить его, не путался ли он с кем-нибудь в Голландии своей, а там и до Парижа недалеко...

Только сейчас французская копия Заневского выглядела слишком помято и непрезентабельно. Слегка прихрамывая, Андре продолжил свое неумолимое движение вперед и плюхнулся прямо на коробку с модулем портативного сервера.левой рукой он прижимал к глазу узнаваемый голубой мешочек с силикагелем. «В эту секунду он настоящий, каким его никто и не знал³²», – выдала память Оникса стихотворные строчки, а мозг уже всюду давил импульс подойти и обнять эту уставшую птицу, избитую каким-то извергом. Нет, потом, быть может, а то капитан неправильно поймет.

А капитан, потерявший дар речи, молчал уже нестерпимо долгие полторы минуты.

– Оникса выбрали все-таки, Евгений Сергеевич, – мягко сообщил в пространство Андре и попытался даже дружески улыбнуться Заневскому. – Хороший дублер получится...

– Рассказывай, кто тебя так приложил, – сказал, наконец, Орлов, осознав, что его единственному и неповторимому пилоту-штурману только что на съемочной площадке едва не вышибли глаз.

– Ян, – извиняющимся тоном ответил Андре, стараясь ни на кого не смотреть. – Вы же просили меня, капитан, проверить его на скорость реакции, ну и вообще... Я, конечно, говорил вам, что мы летали вместе, и в нем я уверен...

---

³² pain «Лампа на полу делает потолок ниже»

Оникс прикрыл глаза. Боги Сети, вот во что ты из-за меня вляпался, Ян, привел я звереныша на собрание недобитых космических романтиков-отщепенцев и жду теперь, когда волк перестанет быть волком? Да я на Девике от его удара вполсилы чуть коньки не отдал.

Капитан молчал. Оникс спинным мозгом чувствовал, что сейчас в действии пресловутая ТПР – теория принятия решения: вышвырнуть Яна из экспедиции и черт с ним с дублером, да и все остальные переживут его исчезновение, спустить на тормозах или обратить себе на пользу, сделав выводы? Только кто даст гарантию, что выводы он сделает верные? Всё субъективно, потом будет жить в плену своих представлений о человеке – чаша полна, новая информация уже не влезет.

– Но есть и плюсы, капитан, – вдруг улыбнулся Соньер. На фоне раздувающегося фингала под глазом улыбка выглядела уж слишком жалкой. – Режиссер сначала Яна чуть не прибил хлопушкой, потому что в процессе рукопашной мы там еще камеру сбили. А потом ему кто-то из киношников принес съемки со скрытых камер, там в потолке грузового отсека есть парочка... Отменный ракурс, – Андре почти уже засмеялся, правда, только одной стороной лица, – и вот тогда режиссер уже едва не залюбил бедного парня. Они хотели уже ввести типа курсов самообороны от пришельцев, чтоб все мы передрались для них, но я подкинул идею лазертага... Простите, что не посоветовался с вами, капитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.